

Вступление

Приходи на вечеринку, оставайся на пир.

Несмотря на преимущество современной индустрии, есть еще места с достаточно готичной и старомодной архитектурой, чтобы там было уютно даже старейшинам сородичей. Знаменитые праздники и бессчетные вудуисты — прекрасное прикрытие нарушений Первой Традиции. Атмосфера дикой вечеринки, окутывающей угасающее сердце города, невероятно высокие показатели по убийствам и число туристов, превышающее почти вдвое население города — всего этого достаточно, чтобы даже нежить почувствовала себя живой как никогда. Да уж, сам город совершенно вампирский.

Новый Орлеан — искаженное отражение самого Реквиема, превосходный дом для сородичей. Этот город — бесконечное смешение кутежа и веры, наслаждения и ужаса. Огромные кафедральные соборы нависают над улицами: из двери обещают спокойствие, но в свете мигающих уличных огней их очертания пугают. В садах играют в кости и карты, а вино лишь иногда пьют за общность. Кажется, дихотомия встроена в сам город — неизбежно плоды страха прорастают еженощно в эти отчаянные времена. Год за годом Новый Орлеан всё глубже утопает в болотах Луизианы. Душа города знает, что её время ограничено, и отчаяние проявляется в людях в неистовом энтузиазме и религиозном рвении. Куда движутся смертные — за ними следуют и сородичи. Так что фракции нежити обращаются друг против друга ещё быстрее в войнах веры против веры, старого против нового и надежды против страха. У Нового Орлеана мрачное прошлое и неопределенное будущее — истинно искаженное отражение, ведь сами сородичи еженощно сталкиваются и с тем, и с другим.

Помните, что это — не совсем тот Новый Орлеан, который вы знаете или думаете, что знаете. Это — Мир Тьмы, и немногие города заслужили это имя столь же, сколь и Большая простота. Болота, чей голод неоспорим, возвращают себе город всё быстрее и быстрее. Новый Орлеан этого мира еще более переполнен, в особенности в районах бедных и бесправных. Он похвастается еще большим количеством грешников, равно местных и приезжих, что предаются с ещё большим самозабвением всем воображимым грехам. Преступность — просто еще одна сторона жизни, насилие — еженощная, и, кое-где, ежечасное явление. Богатые нежатся во дворцах Садового района, отражающих если не облик, то душу старых плантаций. Все бедняки хорошо знают, что, несмотря на десятилетия усилий и Абрахама Линкольна, он все ещё остаются рабами. И, среди тех и тех, сородичи жиреют не только на крови, но и на отчаянии, словно паразиты на теле умирающего. Они

слишком заняты своими делишками, чтобы понять, сколь всё это бессмысленно.

Добро пожаловать в Новый Орлеан, город проклятых — даже если бы в нём не было сородичей.

Тема и настроение

Если бы мы хотели создать вымышленный город, чтобы воплотить в нём атмосферу *Vampire: The Requiem* — мы бы всё равно не смогли сделать ничего лучше, чем Новый Орлеан. Это современная готическая повествовательная игра, и мало какие города лучше отражают её эстетику, чем Большая простота. Здесь новое сплетается со старинным, пугающее со святым. Древние соборы бахвалятся страшными горгульями и вытянутыми стеклянными окнами с замысловатыми и, зачастую, тревожащими узорами. Городские кладбища заполнены витиевато украшенными гробницами — достаточно сложными и большими, чтобы самими по себе быть городами со своими собственными улицами. Монотонные молитвы скрываются за уличным шумом. Их мрачный подтекст не обещает облегчение в этой жизни — и почти гарантирует проклятье в следующей. В Новом Орлеане вера выходит на первый план, господствуя почти в каждом аспекте повседневной жизни, хотя и предлагает мало надежды. А надежда, столь скоротечная и хрупкая даже в лучшие времена, сама по себе становится чем-то пугающим.

Как и сородичи, Новый Орлеан создан дихотомией и парадоксом. Основанный на вере, он стал домом для двух разных процветающих религий, хвастаясь католическим большинством и значительным вудуистическим меньшинством. И всё же он знаменит далеко за своими пределами как город порока, привлекая миллионы туристов, желающих отбросить ограничения и поучаствовать в том, о чем они, возможно, никогда не расскажут своим семьям, друзьям и коллегам. Многие из них возвращаются с искалеченными душами, если не плотью — а некоторые вовсе не возвращаются. Новый Орлеан — город, где хорошее извращается, а извращенное превозносится.

Новый Орлеан в самой своей сути сам вампир.

Это чувство самозабвения, когда старые ценности разлагаются чистым отчаянием, захлестывает и сообщество сородичей, и должно проходить толстой нитью через любую новоорлеанскую хронику. Всё здесь расколото и гниёт изнутри из злобы, прикрываясь красотой, приличиями или порядком. Князь Вайдл правит городом железной рукой, все крепче сжимая кулак, навязывая Традиции и свои собственные эдикты с равным рвением, яростно пытаясь превратить сородичей в то, чем они, по его мнению, должны быть. Его направляет

вера, страстная преданность Святой Троице, и всё-таки кажется маловероятным, что Бог или Христос одобряют то, что Вайдл делает во имя Его. Религия для князя Вайдла — а значит и для большинства сородичей, страдающих под его правлением — не нечто красивое, а кнут, используемые для бичевания спин тех, кто отказывается подчиняться. Равно сородичи и стадо заплатили высокую цену за правление Вайдла. И хотя он усиливает хватку, все большее количество сородичей ускользает из неё, тяготея к соперникам князя. И всё-таки эти соперники не менее дихотомичны, двуличны или развращены. Антуан Савуа — политик и аферист, голодный до власти изверг, боящийся лика религии, в которую истинно не верует. Барон Симитир, преданный своей вере не меньше, чем Вайдл своей, мало заботится о благополучии сородичей Нового Орлеана. Он стремится ко власти лишь для того, чтобы защитить и вырастить избранную им группу последователей — а остальной беспутный город может сгореть.

Хроники в Новом Орлеане должны следовать этому примеру. Всё здесь — палка о двух концах, и почти за каждым взлётом следует падение. Каждое дело оказывается совершенно бесплодным, каждая фракция разлагается изнутри (или же попросту неэффективная, что для сородичей даже хуже). У персонажей не должно быть много проблем с кормлением — Новый Орлеан почти что буфет для вампиров, — но чем же они заслужат свои охотничьи угодья? Кому они должны послужить? Смогут ли пойти на это? Или смогут ли они возвыситься над ровней и освободить себе место? У новоорлеанских сородичей нет хорошего выбора, лишь лучший из худших. Лишь коренным образом изменим структуру власти в Новом Орлеане, сместив равновесие в триумvirате старейшин города, сородичи могут по-настоящему надеяться на процветание. Но у кого среди них есть решимость, не говоря уж о силе, сделать это?

Как использовать эту книгу

City of the Damned: New Orleans предоставит, в сочетании с Приложением 2: Новый Орлеан из Vampire: The Requiem, все необходимое для проведения хроники или даже нескольких в Большой простоте. Здесь содержится информация о самом городе, история обитающих в нём сородичей и заговоры, цели и махинации тех самых вампиров. Тут также есть советы о том, как использовать эти истории, как вовлекать игроков и все нужное, чтобы взять главные фигуры города и использовать их в ваших историях. Многие сюжетные зацепки описаны во врезках, чтобы их легче было найти. Конечно, не все врезки содержать зацепки и не все зацепки описаны во врезках, но они все равно могут оказаться полезным инструментом.

Стоит также отметить, что, в нескольких случаях, информация о

некоторых персонажах или событиях не совпадает с той, что была приведена в Приложение 2: Новый Орлеан из Vampire: The Requiem. Во всех таких случаях информация из Приложения отражает то, что всем известно или что считается по поводу этой темы, а описанное в City of the Damned: New Orleans отражает тайное положение дел.

Танец мертвецов

Как было сказано раньше, City of the Damned: New Orleans предназначен для использования с Приложением 2 из Vampire: The Requiem. Раз так, некоторые Рассказчики и игроки уже могут быть знакомы с современной готической версией Нового Орлеана к тому моменту, как приобретут эту книгу. Некоторые могли использовать лишь представленную там информацию для своих вступительных хроник, тогда как другие могли воспользоваться Danse de la Mort, вступительное демо-приключение, которое можно бесплатно скачать с www.white-wolf.com.

Если вы уже провели демо-приключение, то стоит напомнить: Danse de la Mort было разработано и опубликовано в первую очередь для того, чтобы фанаты могли оценить настроение и ощущения от новой игры и значимость Нового Орлеана прежде, чем сама игра была выпущена. Содержание демо-приключения не использует значительные детали, описанные в City of the Damned: New Orleans — верно и обратное. Если детали сеттинга, характеристики и мотивации персонажей отличаются от тех, что были представлены в Danse de la Mort, то информация из этой книги, конечно, считается актуальной. Вы не обязаны делать вид, что демо-приключения вовсе не существовало — просто помните о его первоначальной цели.

Те, кто не скачивал и не проводил Danse de la Mort для своих труп, всё это имеет более или менее академическое значение. Теперь, когда City of the Damned: New Orleans в ваших руках, у вас есть все, что нужно, чтобы провести множество историй в Большой простоте. Те же, кто находят привлекательной заранее написанную историю, могут попросту обратиться к Приложению в этой книге, где как раз описана такая история — Быстрое возвышение мертвецов.

Глава первая: Оглядываясь на Большую простоту расширяет описание истории города, появившейся в Приложении 2 из Vampire: The Requiem. Фокусируясь в основном на прошедших полутора столетиях, она погружает в специфику деятельности сородичей и том, как она влияла на смертных вокруг. Эта глава даёт основы всего грядущего и поясняет, как всё пришло к тому положению дел, что сложилось в современные ночи.

В **Главе второй: Точки входа** мы описываем сам Новый Орлеан с точки зрения новичков в городе. В этой главе рассказывается о разных регионах и точках интереса, а также том, как они связаны с деятельностью сородичей. Тут также описаны обычаи и законы города в целом и на территориях Вайдла, Савуа и Симитира в частности.

Глава третья: Игры старейшин описывает текущие интриги и цели могущественных игроков Нового Орлеана. Здесь описана горстка конкретных старейшин города, а также кланы и ковенанты в общем.

Похожим образом мы подошли к **Главе четвертой: Колесо в колесе**, где повествуем о делах городских служителей. Опять же, мы описываем нескольких конкретных служителей и их интриги, а после даём более широкий обзор фракций.

Глава пятая: Работа на улицах — последняя наша глава о интригах, фокусирующаяся на неонатах. Скорее всего, именно с этими сюжетами столкнутся (или хотя бы узнают о них) персонажи ваших игроков на ранних стадиях хроники.

В **Главе шестой: Повествование** мы предлагаем советы о том, как превратить предоставленную ранее информацию в игру. Основываясь на костяке повествования из основной книги правил, эта глава содержит техники по вовлечению персонажей в историю и полноценному использованию уже существующих в Большой простоте заговоров.

И, наконец, **Приложение: Быстрое возвышение мертвецов** предоставит вам пример истории, чей сценарий вы можете использовать “как он есть” или почерпнуть из него идеи для собственных хроник. Тут вы увидите пример сюжета, что может вовлечь труппу в политику городских сородичей и то, как персонажи игроков могут помочь изменить мир вокруг.

Глоссарий

Благодаря мультязычной истории (и присутствию веры, с которой многие люди незнакомы), Новый Орлеан обладает собственным словарем. Чтобы по-полной использовать эту книгу (и добавить правдоподобности играм), ниже мы приводим список некоторых наиболее важных терминов.

бокор: жрец вуду или маг, практикующий черную магию. Хунганы могут быть бокорами, но это не распространено.

каджун: луизианские потомки франкоговорящих акадийцев; также применяется в отношении других сельских поселений, а также к еде и музыке.

Код Нуар: “чёрный кодекс”, примененный Францией к Луизиане в 1724, регламентирующий положение свободных цветных и при каких обстоятельствах рабы могли быть освобождены.

креол: свободный человек испанского, французского или африканского происхождения в Испанской Америке. Изначально использовалось лишь в отношении белых, на стало применяться и в отношении прочих после Гражданской войны. Также используется в отношении музыки или еды.

Великий переполох: буквально, “насильственное переселение”.

Массовое расселение более 10 0000 акадийцев, произошедшее в XVIII веке между войнами Англии и Франции

гри-гри: термин для всевозможных амулетов, талисманов и прочих мистических предметов в вуду.

хунфор: внутреннее святилище или алтарная комната у практиков вуду, иногда посвященная конкретному loa. Иногда используется как общий термин для храма вуду.

хунган: жрец в вуду, полностью инициированный во все таинства и мистерии этой религии.

Крюве: клуб, спонсирующий фестивали и событий (суррогат староанглийского “сгев”). Среди Проклятых используется для определения типа котерии, состоящей исключительно из неонатов.

ланьев: буквально, “кое-что еще дополнительно”. Любой небольшой подарочек от местных.

лоа: духи божественного происхождения, служащие Бодье (Богу). Они ожидают, что их будут уважать и поклоняться им, но в обмен они могут одарять почитателей.

мамбо: инициированная жрица вуду. Женский эквивалент хунгана.

мулаты: дети белого и чёрного родителя.

перисталь: строение или открытая территория, где проводятся церемонии вуду. Часто, но не всегда, граничат с хунфором или находятся неподалеку.

квартироны: термин для людей, на четверть чёрных.

ве-ве: символический узор, отражающий одного из loa. Используется и для фокусировки ритуала, и как временный алтарь. Их можно найти нарисованными или вырезанными на различных поверхностях, но обычно они чертятся мукой на земле во время ритуалов.

вудуисты: верящий в вуду; почитающий loa.

Источники

Литература

О Новом Орлеане и религии вуду написано огромное количество книг. Если вы интересуетесь и тем, и тем, обратите внимание на следующие источники.

Майя Дерен, “Божественные всадники: живые боги Гаити” (Divine Horsemen: The Living Gods of Haiti) — редко можно найти книгу о

гаитянском вуду (прародителе американского вуду), не ссылающуюся на эту книгу или саму Майю Дерен. Эта книга была написана в начале XX века, так что кое-что в нашем понимании гаитянской культуры и веры значительно изменилось, но большая часть книги все ещё соответствующая, и вся она стоит прочтения.

Том Даунс и Джон Т. Эдж, “Новый Орлеан” — еще одна невероятно полезная и хорошо написанная книга в серии гидов от Лоунли Планет. Эта небольшая книжка оказалась неоценимо полезна во время разработки сеттинга, так что должна оказаться столь же полезной гостям города.

Джим Хоскинс, “Вуду и худу” (Voodoo and Hoodoo) — книга, фокусирующаяся на магии и ритуальных аспектах вуду (в основном, американского). Хотя обзор истории достаточно короток, эта книга подойдет тем, кто хочет получить более подробную информацию о конкретных ритуалах, гри-гри и так далее.

Альберт Дж. Работо, “Религия рабов: “Незримый институт” довоенного юга” (Slave Religion: “Invisible Institution” in the Antebellum South) — эта книга описывает развитие различных религий среди рабов Америки, включая немалое количество деталей, подходящих и истории и развитию региона, а также потрясающий взгляд на жизни и верования рабов.

Фильмы

Голливуд тоже посещал Большую простоту время от времени. Иногда в самом деле, снимая тут, и иногда духовно, стремясь ухватить его дух. Следующий фильмы показывают различные грани разных времен и мест города:

Сердце ангела (Angel Heart; 1986) — то, что началось для дешевого частного детектива как поиск пропавшего новоорлеанца вскоре превращается в запутанную историю о безумии и проклятии. Готичная и трогательная история, основанная на книге Уильяма Хьюортсберга “Падший ангел”.

Большой кайф (The Big Easy; 1987) — современная классика, в равной степени смешавшая черты криминальной драмы, романтики и атмосферы. Для Рассказчиков каджунская музыка особо значима (позднее появлявшаяся в основном забытых кабельных сериалах).

Кэндимэн 2: Прощание с плотью (Candyman: Farewell to the Flesh; 1995) — не лучший фильм, как и многие сиквелы, но местные цветные более чем убедительны. И Тони Тодд... это же Тони Тодд.

Двойной просчёт (Double Jeopardy; 1999) — “триллер о ложном обвиненном” хорошо работает над тем, чтобы показать некоторые примечательные места Большой простоты.

Интервью с вампиром: Хроника жизни вампира (Interview With the Vampire: The Vampire Chronicles; 1994) — Энн Райс, конечно, эпохальный источник ощущений и настроения современного мифа о вампирах. Это верно как никогда для игр, проходящих в Новом

Орлеане.

Живи и дай умереть (Live and Let Die; 1973) — Ох, Бонд! Посмотреть только на классическую сцену, где наш герой взрывает негодяя из Нового Орлеана — буквально.

Змей и радуга (The Serpent and the Rainbow; 1988) — хотя он и не касается самого Нового Орлеана, этот на удивление действенный ужастик погружает зрителя в вуду. Один из лучших фильмов Уэса Крэйвена, он основан на книге Уэйда Дэвиса, а музыка заняла свое место среди самых жутких композиций, когда-либо написанных для кинематографа.

Сторивилль (Storyville; 1992) — прекрасный актерский состав, возглавляемый Джеймсом Спейдером в роли новоорлеанского политика, вытаскивающего из семейного шкафа скелеты, объединенный с глуповатым сценарием.

Трамвай “Желание” (A Streetcar Named Desire; 1951) — один из наиболее запоминающихся фильмов всех времен, основанный на одноименной пьесе Теннесси Уильямса. Почти все причастные получили свои Оскары, но именно Брандо затмил всех. Прекрасный джаз задает тон. “Стелла!”.

Музыка заведений

Конечно же, Новый Орлеан столь неотрывно ассоциируется с музыкой — в частности, с джазом — что даже сформировал свой поджанр. Ниже приведены лишь примерный список музыкантов, что могут добавить красок и глубины в любую игру, проводимую в соответствии с этой книгой:

- Луи Армстронг.
- Сидней Беше.
- Гарри Конник младший.
- Dirty Dozen Brass Band.
- Los Hombres Calientes.
- Доктор Джон.
- Профессор Лонгхейр.
- Уинтон Марсалис.
- The Meters.
- Джелли Ролл Мортон.
- Николас Пайтон.
- Wild Tchoupitoulas.
- Ирма Томас.

Веб-сайты

Конечно же, ни Новый Орлеан, ни вуду не являются столь обыденными, чтобы ограничиться книгами и фильмами. Следующие сайты могут оказаться полезны:

A Dictionary of Voodoo Terms

(www.hartfordhwp.com/archives/43a/125.html) — поддерживается Бобом Корбеттом. Простой, но полезный список терминов и определений.

The Vodou Page (<http://members.aol.com/Racine125/>) — поддерживается Мамой Рачине Сан Боу. Это может быть одним из лучших сайтов для всех, кто интересуется этим верованием. Мама Рачине — инициированная мамбо и рада поделиться своими знаниями.

Глава первая: Оглядываясь на Большую простоту

“Как я вижу, ты — новичок в приходе. Что ж, давай я проведу тебе экспресс-курс о том, как у нас тут делаются дела”.

— Донован, шериф Нового Орлеана.

“Бог не может изменить прошлое — но могут историки” — Сэмюел Батлер.

Вся книга наполнена обсуждением истории Нового Орлеана, в которой не упоминается манёвры нежити за сценой. Невозможно раскрыть всю историю города в работе такого объема. То, что написано далее, обзор широкими мазками, фокусирующийся, в основном, на самих сородичах. Эта история строится на хронологии, описанной в Приложении 2 для Vampire: The Requiem. Некоторые представленные там события тут не фигурируют, так как не требуют дополнительных деталей.

Древние ночи

До 1850-ых

В ночи до колонизации на этой территории обитал старейшина сородичей, охотившийся на индейцев-чокто в качестве духа возмездия. Ныне известный лишь по легендам, в которые верят немногие сородичи, он считался особенно бесчеловечным (столь диким он стал за столетия), но всё же способным мыслить и интриговать. Он мало взаимодействовал со смертными — даже когда появились поселенцы из Европы.

Первый чёткий след присутствия сородичей появился во время экспансии города примерно в 1720. Мало какие активные ныне вампиры были среди этой первой волны вновь прибывших. Антуан Савуа заявляет, что прибыл где-то в это время, но мало кто не из числа его наиболее преданных последователей верит в это. Как известно, Перл Шастен прибыла примерно тогда.

Многие из французских эмигрантов того времени были персонами нон грата, отбросами и преступниками, от которых правительство лишь радо было избавиться. Большинство прибывших с ними каинитов были того же сорта. Беззаконники и дикари, они беспорядочно кормились (помогая разносить желтую лихорадку) и не прикладывали особых усилий, чтобы сформировать какое-либо настоящее правительство сородичей. Маскарад уцелел лишь потому, что сородичи были еще слишком малочисленны, чтобы их бесчинства были замечены на фоне

множества других вспышек заболеваний и насильственных смертей. Те немного сородичи, среди которых была Шастен, что пытались добиться хоть какой-то стабильности, добились мало успехов. Многие иммигранты привезли с собой рабов из Африки и французских карибских поселений вроде Гаити, подарив сородичам еще больше беспомощных, “незаметных” людей на прокорм. Некоторые из этих вампиров использовали Индейскую резню 1729 года как прикрытие для удара по старейшине-индейцу, который позволил атакующим считать себя убитым, а сам ушел в долгий торпор.

Истинное правительство сородичей не появилось до тех пор, пока не появился Августо Вайдл, кордовский Вентру, прибывший в город с силами Александра О'Рейли в 1769. Даже когда ирландец выдвинулся, чтобы утихомирить местных и заставить принять власть Испании, Вайдл использовал свое влияния на нескольких подчиненных О'Рейли — которых было легко убедить выступить против “инсургентов и агитаторов” — чтобы ворваться и запугать или уничтожить наиболее проблемных местных сородичей. При помощи нескольких других местных, желающих положить конец хаосу, появилось княжество Августо Вайдла. Несколько ускользнувших сородичей хотя и доставляли неприятности, были неспособны собрать достаточно силы, чтобы противостоять новому князю.

В 1770-ых приток рабов с Карибов впервые явили Вайдлу веру вуду. Он мгновенно возненавидел эту веру, ведь она была одновременно языческой (в его глазах) и осквернением католицизма (из-за распространенной практики по включению святых и даже самого Христа в пантеон лоя). Многие годы Вайдл поддерживал и подзуживал правительство и рабовладельцев подавлять рабов и выкорчевывать их религию.

Вайдл, Шастен, испанская Дэва Мария Паскуаль и другие могущественный сородичи внедрились в индустрию по производству сахарного тростника. Эти связи с индустрией сахара укрепили поддержку сородичами института рабства. Перевезенные африканцы больше были не просто отбросами, которыми сородичи могли легко питаться. Теперь они стали для Проклятых, как и для своих смертных хозяев, ценными рабочими.

Пожары, бушевавшие в Новом Орлеане в 1788 и 1794 годах привели к масштабной перестройке города в испанском стиле. Вайдл принял прямое (хотя и небольшое) участие в планировании, сделав инженера Эммануэля Косту своим гулем в 1788. Он был удовлетворен работой Косты и, в конце концов, был столь доволен, что лично Обратил одаренного инженера в 1795.

Те самые пожары также уничтожили убежища многих из оставшихся противников Вайдла, которые ошибочно предположили, что они стали результатом намеренных поджогов. Возглавляемые Франсуа Николя дю Валем, выжившие “повстанцы” объединились в попытке сбросить князя.

Но Вайдал использовал усилия губернатора Каронделета по предотвращению беспорядков, чтобы нанести ответный удар мятежным сородичам.

Именно в это время впервые в городе появился Барон Симитир, прибыв вместе с теми, кто бежал от восстания на Гаити. Он становится активным участником нескольких вудуистических сообществ.

Мало что поменялось в обществе сородичей до войны 1812 года, подарившей Вайдлу еще более могущественный инструмент в его войне против мятежников дю Валя. Франсуа лично попытался убить Вайдла, но его замысел был сорван усилиями Филипа Малдонато и Марии Паскуаль. Последовавшее расследование выявило, что в заговоре участвовало дитя самого Августо, Коста. Смертельно оскорбленный Вайдл лично обезглавил Эммануэля на глазах у собрания, куда были приглашены все важные сородичи Нового Орлеана. До сей ночи большинство сородичей города считают, что гнев и стыд Вайдла стали причиной того, что более он никогда никого не Обращал.

Процветание города

Примерно с 1815 по 1860 Новый Орлеан процветал так, как никогда прежде. Тысячи иммигрантов, в основном из Германии и Ирландии, обосновались в регионе, приведя с собой новых сородичей, расширяющих домен самого Вайдла. Город значительно разросся, ведь целые новые районы заселялись почти сразу же после застройки.

Сахарное и хлопковое производство процветали, что привело к появлению бесчисленных богатых плантаций и множества прочих ферм, магазинов и других обслуживающих эту индустрию мест. Точно также выросла популяция рабов, так что местные власти ещё больше озаботились вопросом рабской “языческой веры”, неоднократно полностью запрещая её.

Большинство вновь прибывших сородичей были из кланов Мехет, Дэва и Вентру. Теперь их было значительно больше, чем Гангрелов и Носферату, которых в ранние годы было как минимум не меньше. Вайдл и прочие могущественные сородичи ассоциировали эти “низкие кланы” с рабами и бедняками — и соответственно с ними обходились. Отчасти это было продиктовано желанием меньше соперничать за власть и ресурсы. Но также тут была замешана и человеческая потребность, сохраняющаяся и у сородичей, классифицировать и ограничить тех, кто отличается. В результате, хоть и не став рабами, Носферату и Гангрелы оказались на том же месте среди новоорлеанских сородичей, что и чёрные (и, в меньшей степени, азиаты и индейцы) среди смертных в то время.

Попытки искоренить вуду загнали его в подполье. Барон Симитир, привлекая на свою сторону немного союзников из числа сородичей, заручился значительной поддержкой среди смертных. Могущественный хунган, Симитир использовал свои способности, чтобы защищать других вудуистов. Его последователи — те, кто практиковали вуду

непосредственно с ним или с другими хунганами и мамбо, верными ему — исчислялись сотнями. Симитир решил более тщательно заняться политикой регион, в частности для того, чтобы дать отпор попыткам Вайдла подавить или уничтожить верование. Но все его первоначальные запросы к князю или попытки встретиться с ним получили отказ.

Пока город рос, Вайдал разделял свою территорию на небольшие домены на основе официальных церковных приходах. Он пожаловал многие из них своим союзникам или слугам, одарив их правами на питание и власть до тех пор, пока они подчиняются его приказам. Кроме того, он издал указ, что подобные домены могут быть унаследованы. Если дитя бывшего землевладельца заявляет претензию, оно встаёт во главу очереди прежде всех других соклановцев — если, конечно, этот сородич не дал Вайдлу повода рассудить иначе. Одно из главных таких награждений произошло, когда Паскуаль покинула городской примоген, более не заинтересованная заниматься еженощными делами. В награду за её службу (в особенности за спасение жизни Вайдла во время нападения дю Валя), Августо подарил ей “старый город”, кусок Нового Орлеана, построенный во время изначальной колонизации, что однажды станет Французским кварталом. Это дало её значительную власть, в особенности когда она начала давать разрешение на кормление здесь во время Марди Гра (обычай, начавшийся в 1838) в обмен на услуги.

Гражданская война

Луизиана откололась от Союза в 1861, став непоколебимым членом Конфедерации. Хотя большинство смертного населения поддержало это решение, отделение вызвало раскол среди сородичей. Князь Вайدل и большая часть его двора горячо поддержали Конфедерацию. Некоторые даже призывали послать сообщения в соседние домены в надежде создать широкомасштабную кооперацию среди южных князей, хотя этого так и не произошло. Они поддерживали Конфедерацию частично из-за поддержки самому институту рабства, но основной мотив Вайдла был более личным. Он прекрасно понимал, что, когда войска Союза придут на юг, сородичи Севера почти точно нагрянут с ними. И они будут готовы заполнить любой вакуум власти, появившийся после того, как местные Проклятые будут уничтожены или же лишатся своих смертных пешек.

По другую сторону оказались те сородичи, что поддерживали Союз. Но, будучи вампирами, каждый из них обладал скрытыми мотивами. Симитир, один из наиболее пылких сторонников в Новом Орлеане, хотел освободить рабов, т.к. это пошло бы на благо большинству его последователей, что позволит им улучшить свое положение и статус и способствует обращению в веру. Многие городские Гангрелы и Носферату поддержали Союз, надеясь, что победа Севера приведет или к отстранению Вайдла от власти или к смене его политических

взглядов.

Вайдл пришел в ярость от того, что кто-то в его домене решил противостоять ему в столь важном вопросе. Но он всё равно не был способен открыто и прямо выступить против них. Хотя он велел Паскуаль и другим своим союзникам бороться с “агитаторами” всеми силами (не давая им прав на питание, атакую из связи и так далее). Сам он был слишком занят, используя всю свою политическую смекалку на то, чтобы поддерживать Конфедерацию в более глобальном плане, нежели фокусироваться на местных делах.

В 1862 капитан Дэвид Фаррагут спустился по Миссиссиппи и разбомбил несколько фортов Конфедерации, защищавших Новый Орлеан. Столкнувшись с морскими войсками, от которых не было защиты, город капитулировал первого мая — к огромному разочарованию Вайдла, его двора и многих граждан. Генерал Бенджамин Ф. Батлер стал надзирателем Союза за Новым Орлеаном и даже сделал город столицей штата.

Какие-бы планы на Батлера у Вайдла не были — им не суждено было сбыться. Симитир и его последователи, местные Носферату и Гангрелы, а также несколько сородичей-северян собрались под стягом Батлера, сообщая противодействуя любым действиям Вайдла, нацеленным на замену или подчинение генерала. Эти фракции в обычных условиях бы не выстояли против князя. Но с новым правительством и внешней силой, контролирующей город, а также с учетом того, большая часть власти Вайдла была уничтожена, а его несколько пешек в городской администрации были устранены.

Более того, как и ожидал Вайдал, князь бросил вызов за власть северянин-сородич, Гангрел по имени Роджер Халлибёртон.

Необычайно общительный для своего клана, Халлибёртон добивался обаянием и амбициями того, для чего ему не хватало политического чутья. Хотя многие сородичи, к которым он пытался приблизиться — например, Симитир и Носферату мисс Оупел — были достаточно мудры, чтобы сохранять нейтралитет, некоторые местные вампиры встали на его сторону в надежде изменить ситуацию в городе. Халлибёртон так и не получил достаточно поддержки, чтобы сместить Вайдла, но стал достаточной угрозой, чтобы князь был вынужден идти на компромисс там, где в ином случае он мог бы надавить.

[СТОРОННИЕ СВЯЗИ

Хотя это и не помогло им изменить курс гражданской войны, Вайдал и прочие местные князья не позволили только что созданной сети контактов развалиться. От Техаса и до Миссиссиппи, разрозненная горстка князей — многие из которых правили в ночи гражданской войны, но не дожили до нынешних ночей — поддерживают нерегулярную, но невразумительную переписку. Они пишут друг другу лишь раз в

несколько лет, возможно, созваниваются раз в десятилетие или около того. Их тяжело было бы назвать друзьями или даже союзниками, но, учитывая обычный уровень коммуникации между большинством доменов сородичей, эта конкретная связь примечательно крепка.

Вайдал скорее отгрызет себе руку, чем поступит так, но если он действительно потеряет власть из-за Савуа или Симитира, он может попытаться убедить других князей помочь ему — за значительную политическую цену. Это даст чужакам неслыханное влияние в домене, им не принадлежащем. Но Вайдл достаточно решительно настроен не подпускать своих соперников к власти, чтобы он мог пойти на это, хотя в итоге он и может создать соперников, равных себе по силе. И если он обратится за помощью или кто-то из этих князей действительно заинтересует ситуация в Новом Орлеане, они почти точно пошлют пару “расходных” неонатов в опасное путешествие по домену, им незнакомому. Неонатов вроде персонажей игроков...]

Реконструкция

На время Реконструкции солдаты Союза оккупировали город. Они установили новое правительство, в основном состоящее из северян, сторонников Союза и нескольких избранных свободных чёрных. Вайдл, ослабленный потерей многих смертных контактов в правительстве и усилиями враждебных фракций, понял, что должен смягчить некоторые свои взгляды, чтобы завести новых союзников. Он поддержал борьбу за интеграцию освобожденных рабов в общество задолго до того, как этим занялись официальные лица смертных. К выгоде нескольких сородичей, включая мисс Оупел, его нового матриарха клана Носферату, он изменил и расширил совет примоген, чтобы он более не исключал из себя конкретные кланы. Вайдл даже нехотя предложил мисс Оупел место в нем, но она отказалась в пользу самоналоженных обязанностей матриарха. Однако Вайдл все ещё отказывался иметь какие-либо дела с Бароном Симитиром. Столь же ревностно противостоя вуду, как и раньше, он закипал от ярости из-за освобожденных рабов, продолжавших практиковать и даже развивать религию, а в растущей пастве Симитира он видел настоящую политическую угрозу. Некоторые считают, что лишь еще большая угроза со стороны Халлибёртон и аргументы мисс Оупел и прочих примогенов, у которых были связи среди бедных чёрных, не позволили Вайдлу обратить всё свое внимание на Симитира. Хунган-Носферату, со своей стороны, отказался объединиться с Халлибёртоном, в основном потому, что не хотел привлекать еще больше внимания Вайдла.

Национальные конфликты

Вражда между освобожденными чёрными и белыми гражданами, всё ещё не желавших признавать первых как равню, размеренно росла в

последовавшие за войной годы. Она привела ко всевозможным насильственным инцидентам, включая бунт против права голоса в 1866, унесшего более 50 жизней. Вайдал воспользовался выпавшей возможностью и атаковал небольшими силами последователей Симитира. Вывод войск Союза в 1877 позволил Вайдлу окунуться в борьбу за восстановление полноты власти, так как многие агенты Халлибёртона ушли вместе с армией.

Незамедлительной Вайдл обрушился на всех сородичей, кто поддерживал растущее влияние освобожденных рабов, убедившись, что никто не станет использовать эту новый и развивающийся ресурс как плацдарм для того, чтобы бросить вызов его власти. Он объединил это с новыми мерами против вуду, поддерживая всех смертных среди граждан и правительства, кто хотел растоптать “языческую” религию. Это окончательно укрепило ненависть Симитира к князю и он, наконец-то, начал переговоры с Халлибёртоном.

Но они не успели зайти далеко.

Смена караула

На последние годы XIX века пришлось значительные изменения в политике Нового Орлеана, т.к. две влиятельнейших фигуры были убраны с доски. Роджер Халлибёртон, у которого была неприятная склонность питаться (и делать вещи похуже) с маленькими детьми, наконец-то выбрал не ту жертву. Его настигла и уничтожила разозлённая толпа вудуистов. Его дитя, Лидия, у которой были личные мотивы ненавидеть сира, в будущем станет одной из самых доверенных последовательниц Симитира. В этот же год Мария Паскуаль тоже была уничтожена, но участники нападения остались неизвестны. Вайдл, вовсе не расстроенный потерей Халлибёртона, был гораздо менее рад Окончательной Смерти одного из старейших союзников. Он осторожно принялся размышлять, кто же унаследует домен Паскуаль, Французский квартал. Теперь не столь значимая территория, как некогда была, она все ещё была ценна легкостью пропитания и зарождающимися празднованиями Марди Гра.

Но Вайдл так и не успел вынести решение. В последующие пару месяцев Французский квартал прибрал к рукам относительно неизвестный Дэва по имени Антуан Савуа.

Савой заявляет, что обитал в Новом Орлеане, держась в тени, с прихода Испании. А еще он утверждает, что был приближенным Паскуаль. Ни одно из этих заявлений не были подтверждены, но Савуа точно обладает значительными связями и влиянием где-то еще. Когда он впервые вышел на свет, то проявил полное понимание политики Нового Орлеана. Он воззвал к должникам и Паскуаль, и Халлибёртону и, хотя многие задолжавшие Паскуаль проигнорировали его, остальные решили расплатиться с долгами, если Савуа проявит себя достойным поддержки союзником. Он отлично сыграл, пообещав свободу и равенство тем, кто принадлежал к презираемым меньшинствам, равно

сородичам и смертным. Он чрезвычайно обаятелен и, кажется, ближе к “обычным людям”. Он даже практикует вуду, что заслужило ему признание среди тех, кто всё ещё противостоял Вайдлу, даже если сами они не были вудуистами. Савуа также привлёк внимание Симитира, который разглядел в нём потенциального союзника против Вайдла. Эти двое сородичей начали вести серьезные переговоры.

Вайдл обнаружил, что ничего не может поделать с этим высокомерным выскочкой, который попросту заявился и забрал ценную территорию. У Савуа попросту было достаточно поддержки и одобрения уже на старте и ко времени, когда он стал достаточно влиятелен, чтобы привлечь внимание Вайдла, его хватка была железной. До сих пор Вайдл так и не признал притязаний Савуа на Французский квартал, но и не смог устранить Дэву.

[ЖЕНЩИНА, УБИВШАЯ ХАЛЛИБЁРТОНА]

Гангрел-педофил Роджер Халлибёртон был убит взбешенной толпой вудуистов, но всё-таки можно сказать, что прикончила его одна конкретная женщина. Каталине Бена, дочь бывшего раба и эмигрантов из Мексики, сама была матерью дочерей-близняшек, Розы и Изабель. Именно Изабель стала одной из жертв Халлибёртона, и именно она вызвала ту ярость, что привела к смерти Гангрела.

Ничто из этого не имело бы значения, если бы не тот факт, что это не стало концом взаимодействия этой семьи с сородичами.

Ныне вампир по имени Роза Бэйл — одна из сильнейших сородичей-мамбо в Новом Орлеане, не подчиняющаяся Барону Симитиру. На самом деле, он ожесточенно противостоит ему. Роза Бэйл никогда открыто не признавала, что является Розой Бена, как и не рассказывала о своем Обращении.

Однако она нередко немало времени тратит, разговаривая с пустотой, нередко обращаясь к своему незримому собеседнику “Изабель” — но иногда и по другим именам. Вокруг Розы Бейл происходят странные вещи, вещи исключительные даже с учётом Дисциплин сородичей. Те, кто хорошо её знают могут лишь предполагать, что Изабель остаётся со своей сестрой — ещё один и бессчётных призраков, обитающих в Большой простоте. Более того, Роза умело использовала одного призрачного союзника, что обзавестись многими — как минимум полдюжины, если учесть все имена, что она шептала пустоте, как отдельного реально существующего призрака. В городе, столь наполненном неуспокоенными мертвецами, как Новый Орлеан, несколько привидений-союзников — действительно могущественное оружие. Так что Роза может оказаться одной из зарождающихся в городе сил. В конце концов, даже самые могущественные местные сородичи мало то

могут поделаться с врагами за пределами пониманий большинства вампиров.]

XX век

На сломе тысячелетий промышленность в городе расширялась — а вместе с ней и влияние сородичей. Вайдл, уже обладающий значительным влиянием на правительство города и местные церкви распространял свою власть и на растущий корпоративную сферу. Савуа расширялся в организованную преступность и, в итоге, в нарушение “сухого закона”. Обосновавшись во Французском квартале и прочих бедных районах, он также сумел выйти на светскую сцену, используя благотворительность. Не единожды он и Вайдл посещали одни и те же встречи. Лорд Французского квартала находил извращенное удовольствие в начинании дружеских бесед с Вайдлом. Росло и влияние Симитира вместе с ростом количества чёрных бедняков, идущих трудиться на фабрики и в прочие рабочие специальности. И Вайдл, и Савуа изначально недооценили силу, которую мог обрести соперник, получив влияние на товары, которые уже их пешки продавали и покупали. Более того, вуду продолжало развиваться — в особенности во время Великой Депрессии, когда смертные всех мастей искали надежду и веру в новых местах. И хотя Савуа обладал кое-каким влиянием на религию, Симитир оставался наиболее значимым в вуду сородичем региона. Именно в эти годы и сформировалась тройка сородичей у власти Нового Орлеана, остающаяся, по большей части, неизменно до этих ночей.

Не считая увеличения оборотов в производстве, Первая мировая война почти не имела прямого влияния на Новый Орлеан или обитающих тут сородичей. Куда более значимой для них проблемой стал разлад между потенциальными союзниками, Савуа и Симитиром. Сначала воодушевленный отношением Савуа к беднякам и его принадлежностью к вуду, Симитир пришел к мнению, что вся вера Дэвы — лишь спектакль. Савуа, как считает Барон, ничего не делает без политической подоплёки. Его поддержка вуду, бедняков, меньшинств из числа смертных и сородичей — всё это имело целью купить преданность низших классов, той части сообщества сородичей, где у Вайдла было меньше всего власти. Савуа же, со своей стороны, счёл Симитира фанатиком и безрассудным идеалистом, который отказывается “надлежаще использовать” власть, попавшую ему в руки. Из пары потенциальных союзников, что сообща могли бы скинуть могущественного Вайдла, эти двое вскоре стали упёртыми противниками. Хотя они и кооперируются, чтобы помешать некоторым замыслам князя, такие союзы всегда краткосрочны и полны взаимным недоверием.

Сторивилльские убийства

В 1915 серия убийств произошла в районе, известном как Сторивилль, расположенном в одном из беднейших кварталов Нового Орлеана. Несмотря на их жестокость и обилие крови все жертвы, кажется, умирали быстро, после первой же раны. Полицейское расследование длилось месяцы: оказался ли убийца слишком умен или же дело в том, что полиция не заботилась о преступлениях среди цветного населения — вопрос открытый. В конце концов убийства прекратились столь же внезапно, как и начались.

Никто так и не нашёл улик, указывающих на причастность сородичей к убийствам, но равно Симитир и Савуа, как известно, расследовали это дело. Но никто из них не обнародовал каких-либо итогов.

А вот что знают немногие сородичи за пределами ближайших последователей Симитира, так это то, что сам Барон стал замкнут и мрачен во время Сторивилльских убийств и, по сути, даже не появился на нескольких церемониях, которые должен был возглавить. Некоторые из его последователей, включая Лидию Кенделл, спрашивали его о причинах. Но Симитир постоянно отвечал, что просто был отвлечен убийствами в месте, которые считал одним из “своих” сообществ. Если кто из его последователей и усомнился, что он рассказал им всю правду, то они их отбросили.

Сделка с дьяволом

На недолгое время — менее чем на год — враждебность между князем Вайдлом и Бароном Симитиром сошла на нет. В нескольких случаях они даже встречались, и эти встречи были душевными, если и не особо дружескими. Савуа, напуганный возможностью союза между ними двумя, начал достаточно опрометчиво расширять свои территории, намеренный приготовиться к отражению потенциального нападения с двух сторон.

Но это оказалось ненужным. Какой бы заговор или союз не готовили Вайдл и Симитир, они, видимо, ничего не достигли. Через несколько месяцев они вновь вернулись к старому образу не-жизни, а их враждебность стала столь же сильна, как и прежде. Более того, Вайдл сумел вернуть потерянные территории без особого труда, т.к. Савуа действовал слишком быстро, чтобы закрепиться на них. На самом деле, Симитир даже сумел забрать несколько бедняцких районов у Савуа, пока лорд Французского квартала защищался от князя.

[ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРИЗРАКАМИ

Примерно в тоже время, когда Вайдл и Симитир начали общаться, управляющие нелюдьми законы Мира Тьмы ненадолго нарушились в районах старого Сторивилля и, в меньшей степени, по всему Новому Орлеану. Во многих частях города ненормально высокое число смертей среди смертных привело к появлению призраков и их проявлений, которые замечали даже смертные. Сила сородичей стало несколько

тяжелее использовать. Она часто стали требовать дополнительной концентрации или даже дополнительной траты вите. В самом Сторивилле призраки обезумели и лишь отчаянные усилия Вайдла и Симитира позволили манипулировать правительством, СМИ и городскими слухами так, чтобы предотвратить массовое расследование “странного феномена”. Более того, в самом этом районе, Дисциплины и вовсе отказывались срабатывать или же действовали не так, как обычно. Через несколько недель эти эффекты сошли на нет, но они всё ещё появляются вновь через случайные промежутки времени — обычно лишь на несколько минут или часов, но временами и на целые ночи — в районе места, где ранее стоял Сторивилль.

Симитир никому об этом не говорил, но считает, что эти эффекты — последствия проваленного ритуала, которого проводил он и Вайдл (см. врезку Князь и жрец на стр. XX). И Симитир опасается того, что может стать со всем районом или даже городом, если могущественный хунган или мамбо попробует провести любой ритуал в Сторивилле. В конце концов, если мистические законы и стена между жизнью и смертью уже ослаблены тут, не может ли еще немного магии полностью из разрушить? Он запретил кому-либо из своих последователей проводить церемонии в радиусе мили от бывшего Сторивилля, но, даже со всем его могуществом, он не может приказать всему вуду-сообществу — не говоря уж о чародеях других верований и конвенций.]

Великая Депрессия

Для сородичей Депрессия оказалась временем куда лучшим, нежели для смертных. Хотя даже могущественнейшие сородичи потерпели убытки, Вайдл и другие влиятельные вампиры Нового Орлеана работали в разных сферах, так что они потеряли сравнительно меньше смертных в богатстве и влиянии. Кроме того, нищета привела к росту преступности и количества бездомных — что обеспечило больше пищи проклятым. Мало какой сородич назовет Депрессию “славным временем”, но большинство всё-таки пережили её с относительно незначительными неудобствами.

На самом деле, как минимум один сородич Нового Орлеана сумел процветать в этот период. С расцветом джаза в 1920-ых привело к появлению ночных клубов, и Носферату по имени Закат воспользовался этой возможностью. Он начал с одного заведения, джаз-клуба, чьи двери были открыты для сородичей, с приватными комнатами (за верную цену в экстренных случаях превращающиеся во временные убежища) и достаточно необычной подборкой напитков в секции “только для членов”. Нацеленность на посетителей-сородичей Заката

позволила ему не только процветать во времена Депрессии, не понеся значительных потерь в доходе или престиже, но и открыть несколько новых заведений. И Вайдл, и Савуа стали постоянными посетителями этих клубов, что дало аполитичному Закату куда больше потенциального влияния, чем он когда-либо хотел. До сих пор он редко пользуется этими преимуществами, но если он когда-либо примкнет к одной из фракций Нового Орлеана, то его поддержка может сместить равновесие сил.

Как и Первая мировая война, Вторая мировая повлияла на Новый Орлеан разве что в промышленном и экономическом уровне, став толчком, за который многие сородичи города благодарны. Влияние Вайдла и Симитира в промышленности временно снизилось, т.к. смертные, с которыми они вели дела отправились на войну и были заменены стариками или женщинами, но эти перемены вызвали лишь небольшие проблемы.

[ПОСЛЕ ЗАКАТА

Антуан Савуа всегда ищет новые преимущества над Вайдлом и Симитиром, так что он серьезно рассчитывает завлечь Заката в свой лагерь. Учитывая последние действия Вайдла и его крутые меры против всех сородичей, что даже потенциально могут угрожать его власти, Савуа начал планировать атаку на имущество Заката — от давления на его заведения легальными мерами и до прямого поджога — выставив виновным Вайдла. Если сделать это достаточно хитро, то это, по мнению Антуана, заставить Заката самого прийти к Савуа и предложить союз. Или, на худой конец, не дать ему переметнуться к Вайдлу. Савуа не глуп — он знает, что подобная операция должна быть идеально срежиссирована. Если хоть малейший намек на правду станет известен Закату, он, наоборот, может объединиться с Вайдлом. А потому лорд Французского квартала придерживает начала такого проекта до тех пор, пока не настанет подходящее время, не определит лучший способ и, возможно, самое главное, не попадет на расходуемые оперативники. Группа неонатов, недавно Обращённых или прибывших в город, которыми легко манипулировать или которых легко обмануть, может стать как раз тем, что ищет Савуа.]

Эра гражданских прав

Каждый из значимых новоорлеанских сородичей использовал межрасовое насилие, положившее начало движению за гражданские права, чтобы ударить по другому. Симитир и Савуа использовали как прикрытие для своих атак по Вайдлу и друг другу уличную преступность и случайные вспышки насилия. А сам Вайдл замаскировал свои действия полицейскими операциями. Стоит

отметить, что у Вайдла не было личного мотива поддерживать бедность и бесправность цветных — он избавился от этих предубеждений, когда понял необходимость перемен после гражданской войны. Но всё-таки он был склонен поддерживать структуру власти белых потому что именно на неё у него было больше всего влияния и потому что знал, что у Савуа и Симитира есть значительный вес среди меньшинств города. Вайдл начал сосредотачивать внимание более плотно на Савуа, который стал величайшим политическим соперником, с которым когда-либо сталкивался Вайдл. Французский квартал, достигший низшей точки в дурной репутации в 1920-ых, снова начал привлекать внимание в 1930-ых, когда, невзирая на Депрессию, сторонники защиты исторических памятников и местные сообща очистили и восстановили его.

Следующие несколько десятилетий он превращался в туристическую Мекку сегодняшнего дня и, неожиданно, домен Савуа стал не просто историческим районом, но одним из наиболее финансово успешных и легких для охоты территорияй всего города. Могущественные сородичи готовы были предложить значительные услуги в обмен на ночи кормления во Французском квартале, что и использовал Савуа, дабы укрепить власть над другими районами. Савуа перестал быть просто раздражителем, он стал потенциальным претендентом на княжение всем Новым Орлеаном.

Вайдл ответил, приняв жесткие меры в отношении домена и прав питания. Хотя он и не мог напрямую ударить по Савуа, Вайдл отнял некоторые территории за пределами его зоны влияния, пожалованные Савуа другим. Вайдл ввёл более строгие правила представления, настояв, чтобы все сородичи-новички города объявляли о своём присутствии в течении нескольких ночей после прибытия. Он мало что мог сделать, чтобы ослабить хватку Савуа, но его действия помешали лорду Французского квартала расширяться и дальше.

Князь и дальше расширял своё влияние на растущую индустрию космической эры и туристическую сферу, напрямую не связанные с Французским кварталом. Например, новый спортивный стадион Луизиана Супердоум, а также отели и рестораны, появившиеся для обслуживания фанатов. Благодаря своим связям в правительстве, он смог продвигать такие проекты — инвестируя деньги и покупая важные кадры — задолго до Савуа и Симитира. К середине 1970-ых, несмотря на власть Савуа во Французском квартале и других районах и почти абсолютное влияние Симитира на вудуистическое сообщество, Вайдл обезопасил свою власть как никогда.

Примерно в это же время мисс Оупел, исчезнувшая около трех десятилетий назад, восстала из торпора и вернула своё положение, став неофициальным представителем Носферату. Когда мисс Оупел впервые появилась вновь, то начала предварительные переговоры с Симитиром, но эти двое так и не стали открытыми союзниками. Возможно из-за того, что Вайдл хотел расширить круг своих союзников или попросту

потому, что он испугался того, что случится, если Симитир получит широкую поддержку Носферату, князь вновь предложил мисс Оупел место в примогене. На сей раз она согласилась, сложив с себя обязанности матриарха — посчитав, что он сможет лучше изменить систему изнутри. Благодаря поддержке мисс Оупел делу Картианцев, Вайдл более чем единожды пожалел о своем предложении за прошедшие годы.

Железный кулак

В конце 1970-ых и начале 1980-ых власть Вайдла стала даже более подавляющей. Молодые или заезжие сородичи, подозреваемые в симпатии к Савуа или Симитиру, нередко обнаруживали, что их права аннулированы или же тщательно исследуются чрезвычайно подозрительным князем. Больше уже не в силах обратить должностных лиц города против вудуистов, Вайдал поощряет сородичей изводить этих людей при любой возможности, выдавая множество прав питания в районах вудуистов. Смертные союзники и пешки Савуа обнаружили, что политики и бизнесмены относятся к ним с пренебрежением, хотя ещё пару дней были заинтересованы в них (и их сотрудничестве). Все сородичи-преступники в городе обнаружили, что наказания значительно ужесточились по сравнению с тем, какими они были, доходя и до возросшего числа казней и кровавых охот.

С тех и до нынешних ночей распространяются слухи, пока сородичи пытаются понять перемену в поведении князя. Может, те резкие изменения в конце XX века оказались попросту оказались слишком быстрыми, чтобы старейшина успел адаптироваться? Или же есть что-то ещё, что-то более личное или более зловещее, что стоит за ужесточением его позиции? Лишь сам князь и, возможно, его советник Малдонато — коий, стоит отметить, стал более мрачен и задумчив в последние годы — могут дать точный ответ. Какие бы у него не были причины, негодование и страх растут в сообществе сородичей. И последние расширения власти Вайдла могут, что иронично, привести к концу его долго правления.

[КНЯЗЬ И ЖРЕЦ

Отчаяние подталкивает к странным союзам, и даже сильнейшая религиозная убежденность может уступить перед необходимостью.

Князь Вайдл и Барон Симитир действительно сотрудничали друг с другом почти 90 лет назад. Однако их союз был не политическим, но мистическим. Примерно в начале прошлого века Вайдлу стало абсолютно понятно, что в конце концов он потеряет свой домен. У него, по меркам сородичей, осталось относительно мало времени прежде чем торпор возьмёт своё. И было ясно, учитывая растущую силу Антуана Савуа, что Вайдл не может рассчитывать, что кто-либо из его двора сможет

удержать домен до его возвращения. А Обращать новое дитя он не собирался — после предательства изменника Косты. Под давлением Малдонато, советующего по полной использовать одного врага, чтобы остановить другого, Вайдл в конце концов согласился использовать Симитира — и само вуду — к своей пользе.

Объединившись с Симитиром, князь составил амбициозный план. Во время множества церемоний вуду некоторые из участников иногда становятся “лошадьми” для лоя, позволяя этим духам временно вселиться в их тела. Симитир и Вайдл постарались разработать ритуал, который был призван одного из лоя — Барона Самеди, стража мертвых и покровителя самого Симитира — на постоянной основе запечатать в не-мёртвом теле Вайдла. Это должно было наделить Вайдла пониманием веры и магии, которые он столь долго преследовал, и позволить ему править без бремени жажды или необходимости впадать в торпор. Чтобы заручиться помощью Симитира, Вайдл предложил хунгану гарантии неотъемлемой автономии. До тех пор, пока Симитир и его последователи не мешают правлению Вайдла, он прекратит любые действия против них и даже изменит свою политику в пользу вудуистов.

Конечно же, обе стороны были не совсем честны друг с другом. Вайдл считал, что заполучив силу покровителя Симитира, сможет с лёгкостью контролировать своего соперника-Носферату. Симитир же, со своей стороны, был всецело убеждён, что нечто большее, чем простой сородич, может использовать тело Вайдла пока ему хочется — возможно, принесет изменения городу и своим последователям — а потом исчезнуть.

Ритуал, который должен был соединить сородича и лоя оказался достаточно сложным и требовал — среди многих других вещей — множество жертв. Самое кровавое, что есть в настоящем вуду — жертвоприношения животных. Но этот ритуал оказался слишком далек от обычных религиозных практик верования. Именно Барон Симитир лично совершал Сторивилльские убийства, и каждая жертва была ударом в самое его сердце и душу, ведь умерщвленные могли столь легко стать его собственными последователями.

Для ритуала также требовался сосуд: вампир, в чьё тело нужно было заманить Барона Самеди. Потом Вайдл должен был поглотить сущность лоя, нарушив Третью традицию и пожрав душу сосуда. Возможно, в качестве тонкого намёка Симитиру, Вайдл выбрал в качестве сосуда ещё одного Носферату, маловажного неоната по имени Леон.

В ночь ритуала Симитир и несколько других его последователей,

которые должны были участвовать в церемонии, встретились с Вайдлом, Малдонато и Леоно в тайном месте недалеко от Сторивилля. Там они провели ритуал, который прошёл как запланировано — за исключением самого конца.

Симитир действительно вызвал нечто, хотя даже он точно не уверен, явился ли в ту ночь к ним сам Барон Самеди. Что бы это ни было, все участники почувствовали присутствие великой силы.

Что произошло потом не могут сказать даже те, кто были там. Дух быстро растаял в воздухе, как будто бы он и в самом деле нашел себе чье-то тело. А потом, кажется, сам воздух ожил и был спущен в ярости. Все присутствовавшие смертные погибли почти мгновенно, а их вопли оглушительно повисли в воздухе. Не зная, что ритуал пошёл не так — ведь он не знал, чего вообще ожидать, — Вайдл не понял и того, что дух не вселился в сосуд. Когда Симитир закричал: “Сейчас же хватай его!”, — князь набросился на Леона и высосал Носферату досуха. Хотя в Леоне и не было духа иного, кроме его собственного, его Окончательная Смерть и кульминация ритуала сопровождались выбросом мистической энергии, что ненадолго оглушила всех присутствующих.

За последовавшие после ритуала недели Вайдл с ужасом узнал, что он не только не заполучил силу лоя, но и стал духовно стерилен. Любая попытка создать дитя или даже сделать смертного слугу гулем полностью проваливалась. Ненависть князя к вуду лишь усилилась до той степени, которую можно наблюдать и в эти ночи. Он организовал пожар, уничтоживший изначальный район Сторивилля, под предлогом “очистки” места после убийств. Вайдл также начал свою нынешнюю политику репрессий против тех, кто хотя бы отзывается с пониманием о вуду в его присутствии. Все обещания Симитиру были аннулированы, и эти двое сородичей вскоре вернулись к взаимной ненависти.

С той ночи Симитир стал ещё ближе к Барону Самеди.

Приближенность к столь могущественной мистической силе заставляет Носферату считать, что он находится на пороге изобретения колдовских техник, которым нет ничего подобного и у Носферату, и у Колдовского круга. Он намерен, после того, как сделает соответствующие приготовления, передать эти способности будущим детям и послушникам.

Если у него и есть мнение о том, что он сделал десятилетия назад, то они сводятся к следующему: Симитир слышал, как сам произнес: “Сейчас же хватай его!”. Но он не помнит того, что говорил это. Он задумывается, не мог ли он сам стать “лошадью” для духа в ту ночь. А еще он задумывается, к кому

**же этот дух мог обращаться. Лишь в одном сородич-хунган уверен до глубины души:
Это сообщение предназначалось не Вайдлу.]**

Глава вторая: Точки входа

“Да будь я проклят. Никогда раньше не слышал о ком-либо, кто пытался бы прокрасться в Новый Орлеан. Зато куча молодых сородичей пытаются убратся отсюда подальше. Что-то там о “духовном климате”, как они говорят”

— отец Джон Мэрроу, священник Благословленных.

“After all, animality’s an instinct and its luxurious slave.
To taste the truth is a seizure of the senses, and it’s a foot in the grave”.
— The Tea Party, “Alarum”.

Город-полумесяц... Большая простота... Беззаботный город... Н’оулинс. Как бы его не называли, Новый Орлеан всегда были и будет одним из самых колоритных городов Америки. Мало какие города Штатов могут похвастаться таким изобилием и мультикультурным наследием. Первые неоамериканцы в регионе появились у реки Чафункта и принялись строить поселения с глиняными крышами в районе, где однажды будет выситься Новый Орлеан. От них и пошли индейские корни Нового Орлеана, пока племена чокто, хума, чикасо и мускоги боролись за выживание на берегах озера Пончартрейн.

Все изменилось, когда испанский исследователь по имени Алонсо Альварес де Пинеда в 1519 сообщил о том, что нашел путь в самое сердце Северной Америки. Он отыскал Миссиссиппи — и теперь вся Европа горела желанием отправиться на исследование. Хотя это Эрнандо де Сото в 1542 спустился по реке в изматывающем трехгодовом походе из Флориды, это француз по имени Ла Саль осел тут и объявил эти земли собственностью его короля, Луи XIV (в честь которого штат Луизиана и был назван), примерно через 14 десятилетий позже. Впоследствии Жан-Батист Ле-Мон де Бенвиль в 1699 нашел мутное устье реки и эти земли стали жизнеспособной колонией и символом европейских амбиций.

Однако сегодня город, который Бенвиль назвал Нуве-Орлеа в 1718 (в честь герцогства Орлеанского), в большей степени символ Америки, а не Франции. В городе городе перемешалось огромное количество различных богатых культур. Сначала он смешал культуры коренных американцев, испанцев, французов, акадийцев и креолов, добавив позднее к ним элементы с Гаити, Латинской Америки, Вьетнама и Ближнего Востока. В результате — уникальное сочетание, которое непросто описать или категоризировать. И хотя этот котел часто служит примером американского идеала, он также легче всего

начинает кипеть.

В эти ночи Новый Орлеан населяют, в основном, афроамериканцы, составляющие целых 60% жителей. Оставшиеся, в основном, или белые, коих насчитывается 35%, и оставшиеся 5% или около того — смесь наций, в которой больше всего испаноговорящих. Однако для города не менее важны приезжающие туристы, коих примерно в три раза больше посещает город в течении года, чем тут живет местных. Учитывая это, вполне ожидаемо, что все персонажи (даже стартовые) в хронике по Новому Орлеану будут родом из Города-полумесяца. В самом деле, некоторые интереснейшие истории в городе могут быть рассказаны приезжими.

Прибытие в Новый Орлеан

Может быть, это и излюбленный способ Фэтса Домино попасть в город, путешествие в Новый Орлеан на своих двоих — наименее здравая идея для тех, кто Проклят, не считая тех кочевников, что уже знакомы с опасностями путешествий. Большинство сородичей предпочитают появляться в Большой простоте более общепринятыми (не говоря о эффективности) способами передвижения.

Прибытие в город по суше даже на автомобиле несколько разочаровывает: все скоростные автострады пересекают или озера, или болота и разработаны в качестве маршрутов эвакуации при угрозе урагана. Важнейшая трасса страны вдоль южной границы, I-10, является и основной дорогой, по которой приезжают и уезжают из Города-полумесяца. Для дороги, которая просто пересекает город из конца в конец, местная соединительная автострада (I-610) предоставляет короткий путь, минуя большинство пробок центра. Другими важным западным хайвеем, ведущим в Город-полумесяц, служит I-12, а I-55 (на Чикаго) и I-59 (к Чаттануге) уходят на север. Огромная территория Нового Орлеана обслуживается одним главным аэропортом, международным аэропортом Луи Армстронга (MSY). Но, на самом деле, 98% полетов — внутренние, между другими городами Северной и Центральной Америк. Как транспортный узел, Новый Орлеан находится в тени более крупных узлов в Форт-Уорт в Далласе на западе и Атланты на востоке. Технически, MSY находится в районе пригорода Кеннер, расположенном примерно в 15 минутах езды от центра Нового Орлеана. Небольшие самолеты обычно обслуживаются новоорлеанским аэропортом Лэйкфронт, названным так потому, что он расположен на берегу озера Пончартрейн, на северной границе города. Те, кто не может себе позволить или сторонится перелетов, могут прибыть в Новый Орлеан на Юнион Пассенджер Терминал, расположенном на Лойола-авеню в Центральном деловом районе. Три различных маршрута идут из этого огромного городского вокзала: поезд Сити он Нью Орлеан, идущий до Мемфиса, Джексона и Чикаго; Кресцент роут, отправляющийся до Атланты, Бирмингема, Нью-Йорка и Вашингтон; и Сансет Лимитед роут, для которого Новый Орлеан —

лишь одна из остановок на пути из Лос-Анджелеса до Майами. В Юнион Пассенджер Терминал также находится станция автобусов дальнего следования.

Последнее, но не менее важное — река Миссиссиппи, источник большей части экономики и культуры города с самого его основания. Будучи одним из наиболее общепринятых способов путешествия, речные лодки продолжают привозить и увозить товары и людей. Цена относительно высока, а эра морских путешествий даже не думает заканчиваться. Речные путешествия для людей ныне, в основном, ограничены туристической сферой, предлагающей лодочные экскурсии всех видов.

Гуляя по городу

Прибывшие по воздуху (редкое дело для нежити, но не невозможное) могут добраться на автобусе из международного аэропорта в любое место центра города. Цены вполне приемлемы, в особенности по сравнению с другими автобусами из американских аэропортов. Так что любой вампир, способный позволить себе путешествие между городами на самолетах, точно также с легкостью позволит себе и автобус.

Как и подобает городу, существует стандартный для городов набор возможностей выбраться из аэропорта. К обычному пиршеству такси в Городе-полумесяце существует три автобусные компании: Реджионал Транзит Ауторити, занимающийся большей частью из и в аэропорт из Французского квартала; Джефферсон Транзит, чьи автобусы курсируют между аэропортом и районом Метари; и Вестсайд Транзит, обслуживающий по обе стороны от Великого новоорлеанского моста. Благодаря небольшим усилиям некоторых старейших сородичей города (включая Перл Шастен, если слухи не врут), трамваи вернулись в Новый Орлеан. К двум старейшим маршрутам — Сэйн-Т-Чарльз Авеню и Риверфронт — недавно присоединился третий, Канал-стрит. Сэйн-Т-Чарльз был вторым в стране маршрутом с трамваем на конной тяге, открывшимся в 1835 под названием “железная дорога Новый Орлеан-Карролтон”. Этот же маршрут первым внедрил электротягу в 1893. Но ни один маршрут трамваем в Новом Орлеане не работает после полуночи.

Но, в отличие от других городов, Большая простота предлагает и более традиционные способы перемещения. Т.к. Новый Орлеан — одновременно город на реке и на озере, всегда можно воспользоваться одной из трех городских служб морского транспорта. Один делает круг от Канал-стрит и до западного берега Алгьерса. Еще один ходит от Джексон-авеню до еще одного городского района, Гретна. А третий идет от Чалметта до нижнего Алгьериса. Лишь маршрут от Канал-стрит ходит после полуночи, все остальные закрываются до 21:30. Другой, еще более чарующий способ перемещаться по Новому Орлеану (или, хотя бы, по Французскому кварталу и окрестностям) — старые-добрые экипажи. Большинство карет прикреплены к определенному

туристическому маршруту, но всегда можно подняться и сойти на любой точке пути (правда, заплатив целую цену).

[ЛЮБОЙ ПОВОД ДЛЯ ПРАЗДНИКА

Есть определенные правила, по которым живут смертные Нового Орлеана. Но где стадо, там и сородичи — особенно в Большой простоте. А в городе совершенно точно любят фестивали, и даже то, что считается как “праздниками” в других частях страны тут — просто разогрев в Новом Орлеане. Тут время после Нового Года — время величайших праздников. Подборка наиболее важных ежегодных празднеств и событий приведена ниже:

- **Двенадцатая ночь (6 января).**
- **Празднование Битвы за Новый Орлеан (8 января).**
- **Парад в честь Дня Мартина Лютера Кинга младшего (третий понедельник января).**
- **Парады Марди Гра (месяц или около того, предвещающий день Марди Гра).**
- **День Марди Гра (конец февраля или начало марта).**
- **Фестиваль Черного наследия (вторые выходные марта).**
- **Весенняя фиеста (пять дней начиная с первой пятницы после Пасхи).**
- **Фестиваль Французского квартала (вторые выходные апреля).**
- **Джаз-фест (последние выходные апреля и первые выходные мая).**
- **Греческий фестиваль (выходные в День Памяти павших).**
- **Карнавал Латино (последние выходные июня).**
- **Болотный фестиваль (четыре дня в начале октября).**
- **Хэллоуин (31 октября; к этому празднику в Новом Орлеане относятся серьезно).]**

Бразды правления

Если сравнивать, то Новый Орлеан — просто бастион стабильности в той буре, что представляет собой политическая структура американских сородичей. Репутация Нового Орлеана как города острых и, зачастую, парадоксальных контрастов сильна как нигде среди Проклятых. Здесь, в городе, долгое время ассоциирующегося с убийствами и хаосом, сопутствующим распущенности нравов, Благословенные процветают. Их местный образец для подражания, Августо Вайдл, 24 десятилетие правит доменом и пережил все, что принесла эта примечательная эра. За эти годы его правление стало моделью для амбициозных Благословленных.

Но теперь эта эпоха подходит к концу.

Не секрет, что в последнее время Вайдл стал править домен жестче, а его терпение по отношению даже к малейшим нарушениям

истончилось. Многие считают, что Вайдл просто чувствует тяжесть прожитых лет и что он борется против сна, который, как он знает, вскоре заберет его. После того, как он уничтожил собственное дитя за измену, Вайдл более никогда не приводил в Реквием смертного, многие интересуются: кого он назовет своим “преемником”, когда наконец впадет в торпор. Слухи делают ставку на шерифа, Благословенного по имени Донован, но никто официально этого не подтверждал и даже не намекал на это. А то, что Донован — дитя сильнейшего противника Вайдла, Антуа Савуа (отдалились ли они на самом деле или нет), лишь уменьшает его шансы стать преемником Вайдла как минимум в глазах многих.

Однако пока что Вайдл все еще князь, а его домен силен как всегда — возможно, даже сильнее. Его правление поддерживает, как и всегда, сенешаль, Мехет Филип Малдонатов. Кроме того, Вайдл содержит шерифа (Донован), смотрителя Элизиума (Благословенный Носферату Гас Элджин) и совет примоген, в который входят Перл Шастен (Дэва из Инвиктус), Коко Дюкетт (Мехет-картианка), Габриэль Урст (Благословенный Вентру) и мисс Оупел (Носферату-картианка). Неофициально Вайдл также прибегает к талантам цербера, женщина-Гангрела по имени Кэйтлин Мидоус, особенно в последние годы. Правда, многие считают, что она недавно ушла в самоволку или же по иным причинам была освобождена от обязанностей.

Обычаи, традиции и законы

Большую простоту от других городов зачастую не то, что в нем творится, а то, как все делается. Во многих городах проходят парады и праздники, но ни в одном другом нет ничего подобного Марди Гра. Много где есть старые или исторические районы, но существует лишь один Французский квартал.

Сородичи похожи на город. У князя Вайдла — и, в их доменах, у лорда Савуа и Барона Симитира — есть свои законы и предписания. Но выделяется сообщество нежити Нового Орлеана не уникальными законами, а тем, как лидеры навязывают, а остальные придерживаются общепринятых.

Если не сказано иного, все ниже написанное применяется ко всем частям города, ведь даже Савуа и Симитир все еще, хотя и формально, подчиненные в домене Вайдла. Они не могут полностью игнорировать его указы, хотя и могут вносить правки со своими целями.

Первая Традиция: Маскарад

Парадоксально, но в Новом Орлеане соблюдать Первую Традицию одновременно сложнее и легче. Но города привык к странностям. Он претендует на первое место в мире по убийствам, что позволяет легко спрятать последствия безумия или излишнего кормления в массе других смертей, сделав их просто еще одной цифрой в статистике преступлений. Во время определенного времени в году огромная часть населения одевается в диковинные или даже чудовищные костюмы,

позволяя сородичам свободнее проявлять свою звериную природу, не выдавая себя. Кроме того, город считается — среди тех, кто в подобное верит — населен призраками. А огромная часть населения исповедует веры, включающие ритуальное использование магии. И, что важнее всего, алкоголь и наркотики превалируют среди всех городских пороков. Все виды необычных событий могут остаться без внимания — и, зачастую, так и случается — из-за происходящего вокруг веселья. Учитывая, что Вайдл недавно стал одержим идеей победить Савуа и Симитира раз и навсегда, даже те сородичи, что нарушили Маскарад, могут обнаружить, что князь слишком занят другими делами, чтобы разбираться еще и с ними. Однако это применимо лишь к небольшим нарушениям. Вайдл уж точно не идиот, а глупцы, считающие, что его занятость дает им право творить все, что взбредет в голову, очень скоро обнаруживают, что обратили на себя его пристальное внимание. Однако в окружении костюмов, вуду и вызванных химикатами галлюцинаций, стоит ожидать, что Маскарад будет защищен здесь гораздо лучше, чем где-либо еще. Возможно, так оно и есть — если бы не те же самые вудуисты и некоторые из их католиков-соперников. Для них сверхъестественное — не выдумка. Они не ведутся на неверие и выборочную слепоту современной культуры. Вудуисты верят в злых духов, а некоторые католики — в демонов. Но и те, и другие верят в то, что зло пробралось в мир, что магия и колдовство реальны. Вампиры не совсем соответствуют предложенным в различных верованиях взглядам, но и не отходят от таковых слишком сильно. Многие обитатели Нового Орлеана частенько высматривают признаки сверхъестественного в окружающем мире — и у них есть равно вера и воля противостоять ему. А потому, хотя и сама природа Нового Орлеана поддерживает Маскарад, небольшая, на опасная часть населения, куда более чувствительна к его нарушениям и, вероятно, может вызвать значительные проблемы у неосторожного сородича.

Домен

Поддерживать Маскарад — значит и сохранять мир, хотя бы и относительный, среди сородичей. А это значит, что нужен отработанный процесс разрешения того, кому разрешена охота и набор влияния в конкретных областях. В Новом Орлеане эта процедура проста и нерушима. Князь Вайдл раздает территории. Точка. Конечно же, на самом деле все чуть сложнее. Многие регенты города разделили свои территории между другими сородичами. Сущая правда в том, что, за парочкой исключений, никто не может получить право на домен в Новом Орлеане, не будучи верным союзником или, хотя бы, полезным инструментом Вайдла. Князь с легкостью может аннулировать любые права на разделенные территории, если решит так. А это делает его абсолютным арбитром того, кто владеет доменами в Новом Орлеане. Это, конечно же, кажется вызовом, с учетом текущей

политической ситуации Большой простоты. В конце концов, и Симитир, и Савуа правят в своих доменах и разделили свои территории между своими последователями. Как тогда можно говорить, что Вайдлу принадлежит последнее слово в отношении регентства в городе? Просто и барон, и лорд Французского квартала набрали силу еще тогда, когда Вайдл не мог им помешать. Они столь упрочили свои притязания на свои территории, что сейчас даже князь не может их пошатнуть. И, конечно же, они могут разделить свои домены по своему усмотрению. Однако в нынешние ночи Вайдл сделал все, чтобы убедиться: эти территории не будут расширены. В нескольких случаях Савуа “предлагал” одному из своих последователей земли в домене Вайдла, стараясь расширить свое влияние. Но князь не постеснялся назвать любого, кто принял участие в таких попытках, преступником — и поступить с ним соответствующе.

Многие новоорлеанские домены совпадают с границами местных приходов, и Вайдл склонен думать о них равно и как о религиозных областях, и как о политических. От регентов ожидается, что они станут приглядывать за моральным состоянием всех сородичей, промысляющих в их землях, будут они склонны к подобному сами и являясь членами Ланцеа Санктум. Если же нет, они должны призвать священника, чтобы он занимался этим.

Хотя Вайдл не слишком старается навязывать следующее требование, он постановил, что все сородичи должны испрашивать разрешение на питание в домене. А регент, дает он разрешение или нет, должен делать это при помощи короткой, но тщательно продуманной религиозной церемонии. Во время нее сородич-проситель клянется в верности регенту, Богу и самому Вайдлу. Если регент принадлежит Ланцеа Санктум, он дает разрешение, благословляя просителя. Если он не из них, то должен присутствовать священник, который сделает это. Вайдл требует, чтобы все регенты сообщали ему обо всех данных другим вампирам правах, обитающих или кормящихся на их территории дольше пары ночей, чтобы отслеживать связи внутри сообщества.

Вторая Традиция: потомство и попечительство

Вайдл воспринимает Вторую Традицию очень серьезно и очень буквально. Он не налагает полный запрет на создание потомства, хотя все желающие создать потомство должны сначала спросить его разрешения. Однако он строго настаивает, что сир ответственен за дела дитя. Пока дитя не будет освобождено, чтобы стать сородичем, сир отвечает за все дела дитя в равной с ним степени — до и включая Окончательную Смерть за достаточно тяжелые преступления. Еще опаснее ситуация становится оттого, что сир в одиночку не может решить, когда заканчивается обучение потомка. Как они должны получить разрешение на Обращение, также они должны просить разрешение на освобождение. Вайдл часто поручает принять решение кому-то из придворных, т.к. считает это менее важным, нежели

разрешение стать сиром. Это — комбинация молитвенных церемоний католичества и Ланцеа Санктум, включающая символическое крещение освобожденного дитя небольшим количеством витэ сородича. Лишь после этого сир освобождается от ответственности за действия своего дитя.

Однако, в отличии других князей, Вайдл интерпретирует отношения сир-дитя в обе стороны. Грехи отцов истинно падают и на детей в Новом Орлеане. Пока дитя не освобождено, оно наказывается также как и сир, если тот нарушит правила домена. Это кажется нечестным многим чужакам, но Вайдл строго придерживается этого правила, так как оно обеспечивает, что если ему придется уничтожить или изгнать нарушителя, у преступника не останется необученного и нетренированного — и, возможно, жаждущего мести — дитя.

[СТУКАЧИ

Вайдл предлагает молодым, не отпущенным детям преступников способ избежать судьбы своих сиров. Если дитя придет к князю (или к любому обладающим властью сородичу, верному Вайдлу) с новостями о замыслах сира; и сможет доказать, что хотя сделал все, что мог, чтобы остановить преступления; или поможет князю в поимке сира, — Вайдл может объявить их свободными и провести ритуал, описанный выше. Вайдл не особо ожидает, что дети будут особо эффективно в своих попытках — в конце концов, они всего лишь неонаты. Это, скорее, проверка решительности и верности, а также того, может ли быть молодой сородич полезен, если ему позволят выжить.

Это предлагает Рассказчикам прекрасные способы начать хронику. Вся котерия неонатов, малознакомая с городом и все еще официально не получившие свободу обучения у сиров, должна решить: будут ли они поддерживать заговор, в котором участвуют более старые вампиры, или же попытаются сорвать или разоблачить его. И, если они выберут последнее, смогут ли они провернуть это так, чтобы не узнали их сирсы или превративов врагов многих сородичей, с которыми им придется иметь дело в процессе?]

Третья Традиция: Амарант

Официально, мнение Вайдла касательно диаблеры — или уничтожения сородича любым иным способом — неизменно и нерушимо. Убийство сородича карается Окончательной Смертью, ни больше и ни меньше. Но, как всегда и бывает с Проклятыми, правда чуть сложнее. Вайдл ясно дал понять некоторым кругам своих последователей, что любые атаки на сородичей-вудуистов или последователей Антуана Савуа не будет слишком тщательно расследоваться — до тех пор, пока они

действуют скрытно и не подрывают правление самого Вайдла. Это не значит, что князь попросту отворачивается, так как не может позволить себе выглядеть слабым или непостоянным. Если виновники окажутся неосторожны и будут опознаны или схвачены, они будут наказаны также, как и все остальные. Но все-таки упоминание о том, что Вайдл не станет слишком стараться найти преступников, подтолкнуло сородичей с хищническим складом ума нападать на последователей Савуа и Симитира — ровно на что Вайдл и рассчитывал.

Но вышесказанное относится лишь к убийству некоторых сородичей. Вайдл неуклонно отказывается разрешать диابلери любого вида, и любой в этом повинный встретит Окончательную Смерть, вне зависимости от того, кого он уничтожил в процессе. Отчасти причиной тому религиозные верования Вайдла относительно души, но замешано тут и сокрытие совершенного им самим во время ритуала, проводимого Симитиром, диابلери.

В редких случаях Вайдл объявляет общегородскую кровавую охоту, призывая ко двору всех доступных сородичей и заочно проводя над целью охоты Помазание.

Уважение и представление

Неудивительно, что Вайдл и его политика весьма строго придерживаются определенных обычаев. Вайдл ожидает, что младшие сородичи признают его положение и положение прочих высокоранговых обитателей города. Это равно религиозное и феодальное разделение, по скольку речь идет о Вайdle, и несоблюдение может привести к развалу правительства и вспышками насилия во время войны за власть над Новым Орлеаном. Не проявление должного уважения — преступление само по себе, но оно приводит к значительному социальному унижению и даже политическим репрессиям. Известно, что на встречах, где присутствуют Савуа с Вайdlom, князь отчитывает молодых сородичей за то, что те не проявляют должного уважения лорду Французского квартала. Правила этикета слишком важны — в особенности с учетом инстинктивной реакции сородичей друг на друга — чтобы их игнорировать вне зависимости от обстоятельств.

Вайдл также требует строгой приверженности обычая представления. Официально, любой вновь прибывший даже просто проезжающий через Новый Орлеан должен предстать перед князем и попросить разрешения остаться или питаться. Однако на практике, сородичи, задерживающиеся менее чем на ночь в некоторой степени свободны от этого обычая лишь потому, что Вайдл или его люди не могут засечь и следить всех их. Однако любому, кто остается достаточно надолго, чтобы быть замеченным сообществом сородичей, лучше лично представиться как можно раньше — незнание об обычае или незнание того, как выйти на двор, оправданием не являются. И пусть Бог

поможет тому новичку, что, по случайности или из неведения, сначала представится Антуану Савуа или Барону Симитиру. Учитывая недавние меры Вайдла против всех, кто принадлежит их фракциям, повидать их прежде князя само по себе вызывает значительное наказание.

В отличие от прочих случаев, у Вайдла нет продуманной религиозной церемонии для приветствия кого-либо в его домене. Он лишь требует, чтобы вновь прибывший принес краткую клятву послушания Вайдлу и его законам во имя Бога, Христа и Лонгина — и нет, религиозные возражения не считаются препятствием к даче клятвы. Когда это сделано, один из младших прислужников двора предлагает новичку краткий обзор упомянутых правил и предоставляет его самому себе.

Прочие местные обычаи

Хотя вышеописанное отражает основные Традиции и обычаи сородичей, у Вайдла и Нового Орлеана есть и собственные обычаи, законы, которые не связаны напрямую с Традициями, но все равно остаются неотъемлемой частью города.

Церковь и государство

Будучи набожным католиком и преданным членом Ланцеа Санктум, Вайдл во многом правит своим доменом как католической епархией. Хотя он и отказался принять титул епископа, но он — и многие его последователи из числа Благословленных — все еще считают себя религиозными лидерами. Это совершенно ясно исходя из его ожиданий, что регенты не только будут хранить мир на своей территории, но также и заниматься духовными нуждами сородичей, на них обитающих. Как сказано выше, почти все функции двора Нового Орлеана содержат в себе хотя бы небольшой элемент религии. В простейшем случае они содержат в себе клятвы верности Богу. Многие другие позаимствовали целые аспекты католичества, от крещения нового дитя и до причастия — которое включает в себя испытание крови смертного священника — как важные части придворной жизни. В порядке вещей открывающие и закрывающие молебны, а Вайдл и его товарищи-Благословленные в течение года проводят мессы в определенные религиозные праздники. От всех связанных с этим делом ожидается, что они примут участие, вне зависимости от того, разделяют они или нет верования Вайдла. Религиозный уклон двора проникает во все аспекты Реквием сородичей, обитающих в Новом Орлеане. Те новички, что принадлежат к Ланцеа Санктум или кажутся набожными католиками с гораздо большей вероятностью получают разрешение остаться в городе, чем те, кто придерживаются других религий. Опять же, сородичи-католики гораздо чаще получают права на домен или разрешение Обратить дитя. С другой стороны, те, кто склонны к вуду или различным языческим верованиям обнаруживают, что их аккуратно (или, иногда, грубо) притесняют. Много кому вход в Новый Орлеан напрямую запрещен и за последние несколько десятилетий ни один сородич не-авраамической веры не получил регентства или разрешения стать сиром. Некоторые

все равно Обращали, с разным — обычно, несчастливым — результатом. Вайдл утверждает, что эта практика согласована с религиозной доктриной, но немногие сородичи остались слепы к тому, что это позволяет ему наращивать свои силы, мешая Савуа и Симитиру делать тоже самое.

Исповедь

Заметка: атрибуты исповеди в Новом Орлеане отличаются от тех, что описаны в книге *Lancea Sanctum*. Рассказчики, желающие использовать версию из той книги, свободно могут так сделать. Описанные здесь детали существуют, чтобы одновременно показать местные отличия между отделениями Благословенных и позволить использовать эту традицию тем, у кого нет книги *Lancea Sanctum*.

Вероятно, один из самых странных рудиментов прижизненной веры Вайдла и самых полезных, хотя и опасных, для его последователей, это практикование исповедей. Вайдл постановил, что он сам и другие члены Ланцеа Санктум Нового Орлеана исповедовать других сородичей, как это делают священники смертных со своей паствой.

Очевидно, что в большинстве случаев заявление о том, что один вампир добровольно исповедуется в прегрешениях другом — смехотворна.

Однако Вайдл поманил их весьма аппетитной морковкой. Сородич, регулярно исповедующийся, пока рассказывает честно и подробно, нередко получает прощение за свои преступления, а не карается.

Риск в том, что сородич не знает, какие преступления могут быть прощены, а какие настолько серьезны, что когда о них станет известно, пускай и в рамках исповеди, приведут к наказанию. Граница тут колеблется, в зависимости от того, Вайдл или один из его последователей услышал исповедь, в каком настроении был этот сородич, отразилось ли преступление на власти Вайдла и так далее. В большинстве случаев, сородич, идущий на исповедь, признается в малых нарушениях — кормление на чужой территории, участие в “не одобренном” религиозном ритуале, заговор с целью отвоевать часть влияния другого сородичи и тому подобное — и оставляют в тайне более серьезные преступления, вроде диablerии или сотрудничества с Савуа или Симитиром. В серой зоне, которую могут и простить, и нет, находятся: Обращение дитя без разрешения; встреча с одним из соперников Вайдла без объединения с ним; убийство (без диablerии) вампира не из числа последователей Вайдла

Еще один повод для волнения — то, что Вайдл ожидает, что исповедующиеся будут делать это постоянно. Если сородич исповедуется за одно нарушение и потом скрывает другое, о котором узнает позднее Вайдл, князь скорее всего накажет провинившегося еще строже. Так что сородичи Нового Орлеана должны взвесить все риски и преимущества признания грехов перед “священниками”, понимая, что любой курс действий может усугубить ситуацию.

[ГОРОД ДОБРОДЕТЕЛИ, ГОРОД ПОРОКА

Странная двойственная природа Большой простоты — глубокая духовность здесь сталкивается с повсеместной распушенностью — проявляется в действиях лидеров-сородичей и законах домена. Но это не единственный способ, которым дихотомия Нового Орлеана влияет на сородичей. В некоторых районах сам город, кажется, полагается больше на ту или иную сторону своей природы.

В местах поклонения, разбросанных по Новому Орлеану, от церковки на углу и до личных хунфоров, годы искренней веры пропитали сами камни. Иногда сородичи отступают от истинно верующих, вооруженных символами религии. Также они иногда обнаруживают, что им тяжело, если вовсе не невозможно, войти в такие намоленные места. Любой вампир, желающий переступить порог, должен преуспеть на броске Решительности +Самообладания. При неудаче он не может войти в это место. Успех позволяет войти, но сородич не может полностью игнорировать эффекты веры. В зависимости от силы окружающей веры, определяемой Рассказчиком, сородич может получить штраф к запасу костей от 1 до 5 на любые броски, которые он тут совершает. Более того, ему будет неуютно и он будет сбит с толку под давлением ощущения, что он тут чужак. И наоборот, некоторые места города отражают другую сторону, поддавшись духовному разложению, из-за чего большинству смертных здесь неуютно, а вот сородичей сюда влечет. Такие места чаще всего раньше были полны веры, но была запятнаны более грешными целями, например: квартира, некогда бывшая хунфором, а теперь ставшая домом наркоторговца; церковь, превращенная в казино; или некогда освещенное кладбище, ныне служащее убежищем банды или для проведения сатанинских ритуалов. В этих случаях сородичам чувствуют себя достаточно уверенно. Это дает +1 к запасу костей на все броски, кроме сопротивления безумию или дегенерации; эти два броска, наоборот, получают штраф в 1 кость, т.к. тут сородичи ближе к своей звериной природе.

В обоих случаях, равно веры и разложение, нет никакого принципа, по которому определяется: почему в некоторых местах эти ауры существуют, а в других — нет. Самые значимые религиозные места городе этими чертами не обладают. Все-таки подобные места встречаются достаточно редко, так что даже сородичи, десятилетиями обитавшие в городе, найдя лично лишь горстку таких местечек. Более того, эти эффекты угасают или даже перемещаются, так что собор, что этой ночью отгонял сородичей, завтра может быть им вполне доступен. Случайно ли это или же как-то зависит от вечно меняющейся веры

окружающих смертных — точно неизвестно.]

Парии

Конечно же князь Вайдл старается допускать процветания лишь тех, кто разделяет его верования. Хотя его преследования тех, кто придерживается других верований, хитры и косвенны, его политика гораздо более враждебна к представителям конкретных семейств сородичей и фракций. Особенно Вайдл давит — когда сильнее, когда слабее — на три конкретные группы.

Носферату

Нелюбовь Вайдла к этому самому бесчеловечному из кланов ныне далеко не столь сильна, сколь была ранее. Одно время князь даже запрещал Носферату состоять при его дворе. Очевидно, что это уже изменилось. Мисс Оупел из Носферату заседает в примогене, а гарпия по имени Закат взаимодействует со всеми важными городскими игроками. Совершенно точно, что Вайдл принял клан как часть Нового Орлеана.

Однако антипатия Вайдла к клану не полностью прошла, да и нельзя сказать, что с кланом в городе обращаются как с ровней. Скорее всего, это из-за Барона Симитира. Сам факт того, что один из самых ненавистных противников Вайдла принадлежит к Носферату играет на его застарелой ненависти. Более того, Вайдл беспокоится о том, что обаятельный хунган сможет объединить вокруг себя всех Носферату, ведь у него много последователей в среде лишенных прав смертных. И, вдобавок ко всему, он считает мисс Оупел самой сложной из его советников из-за ее поддержки дела Картианцев и не желает увеличивать еще и ее политическую силу.

Поэтому, хотя Вайдл и не публично не предпринимает действий против Носферату и автоматически не отказывает им в правах обитать и питаться в Новом Орлеане, он весьма избирателен в том, сколько свободы им предоставлять. Вновь прибывшему в город Носферату откажут в прошении остаться с большей вероятностью, основываясь на каких угодно поводах, чем Дэве или Вентру при прочих равных. Опять же, как и с распространенным среди большей части смертных расизмом, Носферату, обвиненный в нарушении Традиций, с куда большей вероятностью будет признан виновным, а его наказание будет суровее. Носферату знают об избирательном ограничении их прав, но мало что могут с этим поделать. На самом деле многие Носферату воспринимают это как иронический знак доблести, символ того, что Вайдл боится их столь сильно, что не может относиться к ним объективно. Многие другие сородичи Нового Орлеана отметили это. Среди всех новичков и неонатов Большой простоты Носферату без влиятельных покровителей притесняются куда чаще, чем молодежь из других кланов. Конечно же, эта ситуация почти что умоляет, чтобы достаточно мотивированная котерия Носферату воспользовалась ею.

Колдовской круг

Предвзятость Вайдла к Носферату и Ордо Дракул хотя сколько-то незаметны, в его отношении к Колдовскому кругу нет ничего даже отдаленно скрываемого. Вайдл — набожный католик, преданный представитель Ланцеа Санктум, а двое из его злейших врагов практикуют ориентированное на вуду колдовство Круак. Любая эта причина была бы достаточным поводом для презрения к Аколитам. Учитывая все три повода, вообще удивительно, что он столь сдержан в своих действиях против них.

Закон двора запрещают проведение религиозных ритуалов Аколитов и собрание членов Круга с политическими целями. Многие видят в этом придирку к мелочам, но Вайдл не запретил Аколитам собираться для религиозных церемоний, напрямую не связанных с традиционными верованиями Круга. Эта лазейка позволила Симитиру и прочим Аколитам собираться на ритуалы вуду. Вайдл знает, что если предпримет последний шаг и запретит местным сородичам исповедовать вуду, то это одновременно толкнет тех немногих сородичей-вудуистов, пока не примкнувших к Симитиру, в его лагерь и разовьет конфликт между князем и жрецом до уровня, к которому Вайдл пока не готов.

В эти ночи Вайдл отказывает в прошениях остаться в городе на любое время всем Аколитам, уже не обитающим тут. Он также требует сообщать о прибытии всех принадлежащих к ковенанту как часть их представления. Опять же, те, кто уже живут в Новом Орлеане, могут даже не надеяться на Обращение дитя или становление регентами. Скорее уж Вайдл даст официальное положение при дворе Носферату из Ордо Дракул, чем наделит территорией Аколита. Более того, князь даже велит священникам Ланцеа Санктум проводить духовное очищение любой территории, прежде использованной Колдовским кругом прежде, чем передать ее другому вампиру.

Ордо Дракул

Ордо Дракул приходится в Новом Орлеане даже не близко столь плохо, столь Колдовскому кругу. Несомненно, это благодаря трем фактам. Ордо Дракул изначально не связаны с религиями, которые большинство католиков — вроде Вайдла — воспринимают как языческие. В Ордо Дракул не входит никто из сильнейших врагов Вайдла. И присутствие Ордо Дракул в Новом Орлеане столь незначительно, что большинство местных даже не знает, что они тут.

Несмотря на все вышесказанное, Драконы не особо высоко стоят в глазах Вайдла. Они практикуют форму магии, значительно отличающуюся от фивейского чародейства — а это делает их колдунами в глазах Ланцеа Санктум. Вайдлу не нравится желание Драконов на возвышении над состоянием вампиризма — он считает, что это в руках лишь Господа. И, наконец, он абсолютно уверен, что Лидия Кенделл, правая рука Симитира, является Драконом. Вайдл не делал ничего для

притеснения именно Ордо Дракул, но также и не удовлетворяет их прошения на вход в город и не предлагает уже обитающим тут домены или титулы.

[РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

В конце 1960-ых и начале 1970-ых небольшая группа сородичей — чуть больше крупной кoterии — возникла на политической сцене Нового Орлеана. Она состояла из служителей, обладающих незначительным влиянием, но не настоящей властью в городе, они действовали под весьма театральным именем Магическое Зеркало. Их объявленной целью было равенство всех кланов и ковенантов под правлением Вайдла — или лишение его власти.

Можно представить, чем все обернулось. Князю Вайдлу даже не пришлось что-либо предпринимать — другие сородичи, на чьи влияние и территории Магическое Зеркало покусились сделали все за него. В 1968 в группе насчитывалось всего полудюжина членов. В 1972 их осталось двое. Зеркало было разбито в прямом смысле слова.

Стоит отметить, что заявленная цель кoterии была не совсем альтруистичной. Множество членов Зеркала были Носферату или Аколитами (или же и теми, и теми). Те, кто принадлежали не к Кругу, были Картианцами, которых подбили на это несколько местных Носферату, ставших известными в клане во время торпор мисс Оупел.

Это бы ничего не значило для сегодняшних сородичей, если бы не несколько событий, случившихся за последние несколько лет. В трех разных случаях, когда Вайдл выступал против правонарушителей из числа Носферату или Аколитов, после их наказания следовали акты устрашения. В двух случаях смертные пешки важных сородичей — один принадлежал “Таттерболу” Элджину (смотритель Элизиума), другие служили Габриэлю Урсту (один из примогенов) — были убиты. В третьем случае убежище молодого служителя, информация от которого привела к сожжению Вайдлом преступника, сгорело дотла. Во всех трех случаях на месте преступления оставался осколок зеркала, на котором сзади было криво написано: “Или свобода у всех — или безопасность ни у кого”. Все на данный момент опрошенные сородичи города утверждали, что ничего об этом не знают. Вайдл всецело уверен, что виновные — или фанатичные Картианцы, или агенты Савуа, старающиеся всколыхнуть сородичей, не выдав себя. Сейчас ни у Вайдла, ни у шерифа нет времени отслеживать их.]

Ночь несдерживаемых мечтаний

Вайдл может и строгий религиозный фанатик и приверженец железного кулака, когда речь идет о его указах, но он не глуп. Он знает, что правит вечно голодными, управляемыми инстинктами хищниками, и ни один вампир не способен постоянно держать на коротком поводке своего Зверя. Более того, они обитают в городе, приютившем всевозможные грехи, от азартных игр и алкоголя до уличного насилия, еженощно вспыхивающего на ежегодном карнавале, когда все ограничения остаются за границами города. Сложно было бы ожидать от сородичей, всегда подражающих смертным вокруг, что это не скажется на них.

А потому Вайдл позволяет иногда выплеснуть эмоции, считая, что выпуская иногда пар, сородичи Нового Орлеана смогут лучше сдерживаться в другие ночи. В две ночи в году — одна перед концом Марди Гра и одна в канун Нового Года — Вайдл ослабляет ограничения, что наложил на своих подданных. Три Традиции все еще поддерживаются, а их нарушители все еще подвергаются наказаниям. Но все прочие законы домена ослаблены, если вовсе не отменены. Одну ночь сородичи могут кормиться где и кем хотят, с кем угодно общаться, проводить языческие ритуалы, которые считают необходимыми. Сам князь эти две ночи проводит в уединении, не желая наблюдать за беззаконием, пусть даже и признает физическую нужду в нем. По очевидным причинам, уровень насильственных преступлений в эти ночи резко растет.

В ночь после Ночи несдерживаемых мечтаний ситуация быстро возвращается к статусу кво. Сородичи, поддавшиеся своим страстям и желающие продолжить веселье, вскоре обнаруживают, что, пусть смертные и празднуют Марди Гра или Новый Год, им поблажек положено не больше, чем в любую другую ночь. По факту, шериф и другие силовики Вайдла имеют приказ быть особо строгими сразу после Ночи несдерживаемых мечтаний, чтобы удостовериться, что все сородичи понимают: это соглашение распространяется только на одну ночь.

Преступление и наказание

Сородичи Нового Орлеана, как и все вампиры, планируют приближение к собственным целям. Многие считают законы домены чем-то вроде небольшого препятствия, которое можно игнорировать.

Но живущие под правлением Вайдла знают лучше. У князя воистину драконово чувство справедливости, ветхозаветное и макиавеллистское. Вайдл не только глубоко убежден в принципе глаз за глаз, но еще и терпеть не может повторять уроки.

Хотя различия скорее неофициальные, чем строгие, Вайдл и его двор в общем и целом делит все нарушения сородичей в домене на три разные категории.

Незначительные нарушения

Преступления вроде вторжения на чужую территорию, ведение дел с

соперниками Вайдла, отказ в участии в обязательных делах двора или религиозных церемониях, не представиться князю в течении нескольких ночей, действия против интересов или пешек важных сородичей (и похожие нарушения) считаются незначительными нарушениями по законам города. Наказания соразмерны преступлениям и могут включать: небольшие возмещения; физические увечья, достаточно серьезные, чтобы их излечение заняло ночи или недели; и, иногда, даже частичный Винкулум. Повторные нарушения влекут более серьезные наказания и, в конце концов, могут привести даже к изгнанию из города. Но в последнее время все чаще и чаще Вайдл позволяет шерифу Доновану самому разбираться с этими незначительными нарушениями, не участвуя в разбирательствах лично.

Гражданские нарушения

Возможно, неудивительно, что Вайдл разделяет серьезные преступления в своем домене на гражданские и религиозные.

Гражданские нарушения включают заговоры (а не просто ведение дел) с Савуа и Симитиром, умышленное избегание представления или иные попытки избежать внимания Вайдла долгое время, нарушение законов Элизиума, наложение Винкулума на не согласного на это сородича без легальной причины, уничтожение убежища вампира или убийство гуля другого сородича.

Вайдл относится к этим преступлениям исключительно серьезно. Редко когда нарушитель может отделаться легко, просто получив полный Винкулум и потеряв значительное влияние. Вайдл проявляет милосердие лишь если нарушитель чем-то исключительно полезен или же если более серьезные наказания создадут ему могущественных политических врагов.

В большинстве ситуаций нарушителя или изгоняют из Нового Орлеана, или, если преступление было особо отвратительно или же было рецидивом, казнят. Вайдл родом из времен, когда повешение считалось самой постыдной смертью, предназначенной для низкородных преступников, и даже сейчас он придерживается этой практики.

Очевидно, что повешенье не уничтожит сородича само по себе. Но Вайдл вешает приговоренного или вне здания, или в комнате с окнами на восток, и у того есть считанные мгновения до восхода. Совмещение бесчестия виселицы и Окончательной Смерти от солнечных лучей Вайдл находит удовлетворительным компромиссом, а все остальные — скорее пугающим.

Религиозные нарушения

Их Вайдл считает куда более серьезными, чем даже гражданские нарушения. Так как он верит, что Традиции были ниспосланы Лонгином — а потому, косвенно, самим Богом — то их нарушение есть грех против самого Господа. Открытое нарушение Маскарада, Обращения дитя без разрешения Вайдла, оставление дитя без надлежащего освобождения, уничтожение другого вампира при любых обстоятельствах, кроме как

легально объявленной кровавой охоты или как крайняя мера при самообороне, совершение диablerи при любых обстоятельствах — все это религиозные нарушения. Вайдл также причисляет к ним причинения вреда церквям или использование колдовства, но пока что он не сумел насадить эти интерпретации на постоянной основе. У князя Нового Орлеана лишь одно наказание для тех, кто нарушает божественные законы — та традиционная кара, что существует уже веками: сожжение на костре. На самом деле в нынешние времена не обязательно использовать деревянный помост и кучу хвороста. Но все обитающие в Новом Орлеане сородичи вскоре узнают, что истинное недовольство Вайдла проявляется в пламени, тем или иным образом.

[КРОВАВАЯ ОХОТА

Как и некоторые прочие князья, Вайдл считает участие в кровавой охоте абсолютно обязательным. Он не созывает охоту не задумавшись, но если все-таки объявляет ее, то лишь потому, что цель — опасный преступник (хотя бы на его взгляд). И для него нет разницы в отказе от участие и непосредственной помощи преступники в побеге из сжимающейся хватки князя. Конечно же, это не значит, что все сородичи должны выйти на улицы с оголенными клыками и оружием в руках. На самом деле, Вайдл требует, чтобы охотники старались быть максимально незаметными — объявление кровавой охоты не считается оправданием нарушения Маскарада. Он предпочитает, что большинство сородичей просто искали нарушителя, возможно, стараясь предугадать его действия, если они знакомы лично, а потом сообщали о его местоположении. Они должны использовать все свои связи со смертными — конкретно, хотя не только, в правоохранительных силах, сферах путешествий и перевозок и в криминале — для помощи в поисках, пока могут сохранять в тайне истинную природу добычи. Кровавая охота позволяет другим сородичам уничтожить нарушителя, но Вайдл обычно предпочитает, если возможно, оставлять это своим людям.

Если Вайдл заранее планирует созвать охоту, то он обычно использует свое влияние, чтобы организовать парад или другого рода широкомасштабные демонстрации на ночь охоты. Он особенно любит созывать кровавые охоты во время Марди Гра, хотя, очевидно, возможность так делать появляется лишь время от времени. Это дает охотникам чуть больше свободы действий, так как странные события и уличное насилие не так уж необычны во время такой деятельности в Большой простоте.]

Город-полумесяц

Домен Августо Вайдла не ограничивается самим Новым Орлеаном. На самом деле, он притязает на власть почти над 200 квадратными милями земель, принадлежащими двум разным приходами (традиционное название районов в Луизиане): Орлеан и Джефферсон, хотя большая часть его земель находится в первом. Границами между этими двумя районами является пригород Метари на западе, и на полпути между Гретна и Алгьерс на юге, тогда как Миссиссиппи равно разделена между приходами.

Любой вампир, желающий осесть в домене Вайдла, вне зависимости от срока, должен получить право на питание. После их получения, любой сородич, пойманный на охоте на чужой территории (преступление, известное как “вторжение”) становится целью княжеского суда. Права на питание сами по себе — сложный политический танец, так что некоторые зоны рассматриваются как “альтернативы” Проклятыми, особенно при сравнении. Ниже описаны главные районы по власти Вайдла.

Центральный деловой район

Центральный деловой район (ЦДР) — центр американского коммерческого сектора, возведенный после Покупки Луизианы в 1803. Когда американцы официально получили город, поток северян-эмигрантов превратили Новый Орлеан суетливый порт. Со временем американский сектор (изначально звавшийся предместьем Сэйн-Мэри) привлек все важные банки, офисы и государственные здания, став гнездом городской коммерции.

Официально, ЦДР — территория на восток от Клэрборн-авеню до реки, от Канал-стрит на севере и до Понтчартрейн Экспрессуэй на юге. У самого озера стоит множество современных зданий, построенных в старом афро-американском жилом квартале “Бэк О’таун”. Здесь когда-то стоял Черный Сторивилль, продолжение одноименного района красных фонарей. Ныне в этом районе расположены такие важные места, как Луизиана Супердоум и ратуша.

Будучи столь важным, ЦДР просто не мог остаться личным доменом одного вампира, но хватка Вайдла на районе уж точно близка к этому. Он позволяет всем вампирам свободно по ней перемещаться и даже наделяет их правами питания тут, но в других вопросах он жаден относительно того, кто и что делает в ЦДР. Вопреки популярному мнению, у Вайдла тут есть убежище — в офисном здании у площади Лафайетт, известном как Пердидо-хаус (смотри врезку). Он и его сенешаль свободно питаются в окрестностях, но предпочитают устраивать постоянные убежища где-нибудь еще, в более гостеприимном окружении.

[ПЕРДИДО-ХАУС

Любой сородич, который жил в Новом Орлеане хотя бы недолго, скорее всего слышали о Пердидо-хаус. Само это название не

совсем корректно, потому что здание — вовсе не дом, а двадцати этажное офисное здание на Лафайетт-стрит в самом сердце центра города. Те, кто вообще знают о Пердидо-хаус, также знают и то, что все (и все) внутри принадлежит князю.

Большинство знает, что Вайдл использует предлагаемые домом услуги, чтобы поддерживать домен. А еще в тех редких случаях, когда кого-либо вызывают для встречи с князем, то обычно именно в Пердидо-хаус.

Но вот чего не знает никто, кроме самых приближенных к Вайдлу, что эти службы мобильны и лишь сам Вайдл знает, откуда он и свита будут действовать в следующую ночь. Вайдл действительно владеет зданием, так что он разработал систему, позволяющую перемещать место работы его и двора с этажа на этаж за считанные минуты. Здание обеспечен наилучшей системой безопасности, а его положение позволяет Вайдлу обезопасить любой этаж (даже от солнца и огня) вне зависимости от того, что обнаружится всего лишь на этаж выше или ниже. Ну а если эти меры безопасности подведут, то пожарная часть — единственное здание городского квартала, которым он не владеет — совсем близко. Сенешаль Вайдла тщательно ведет записи того, кто, где и когда из сородичей мог запомнить этажи, на которых располагались службы, когда этот сородич посещал здание. Вайдл предпочитает, чтобы каждый вампир в его домене видел лишь один этаж его пристанища. А потому если Вайдл располагался на двенадцатом этаже, когда кто-то впервые с ним встретился, то, скорее всего, этот сородич никогда не встретится с ним на другом этаже.

Со временем, особенно в последнее время, Пердидо-хаус сам по себе стал символом равно силы и гнева Вайдла. Это — единственное место, в котором Вайдлу достаточно комфортно заниматься чем угодно, так что он часто использует здание для занятия важными для сородича делами или проведения таинства Благословленных. Эти редкие случаи всегда включают редкие публичные казни сородичей-преступников. Так что у многих Пердидо-хаус ассоциируется (вероятно, не зря) со страхом и плохим предзнаменованием.]

Складской район

Жизненно важная небольшая зона зародилась как район более крупного Центрального делового района, но со временем обрел самостоятельную жизнь. До 1970-ых это место, как намекает его название, состояло в основном из складов (многие из которых были заброшены). Однако постройка Центра современного искусства начал ренессанс, в результате которого Джулия-стрит — протянувшаяся от Канал-стрит до Конвеншен Сентер Бульвар — стала “парадом галерей”

Большой простоты. Улучшение района началось вскоре после Международной выставки 1984, когда застройщики стали превращать пустые склады в кондоминиумы.

Вайдл тщательно присматривает за районом из-за нескольких важных причин, не последней из которых является его личный интерес. Хотя Вайдл нехотя готов делить влияния на прочие части ЦДР (он знает, что права на питания не становятся сразу же равны “влиянию”), он пристально наблюдает за тем, кто ведет дела в Складском районе вне зависимости от их намерений. Поэтому он куда более осмотрителен, когда дело доходит до выдачи прав на питание на этой территории. Так что любой, кто получил от него (особенно в последнее время) подобную честь совершенно точно заслужил благосклонность князя.

Пригород Маргини

Сразу за Эспланаде-авеню, отделяющем Французский квартал, находится самый необычный названный район города. Пригород Маргини назван в честь Бернарда Ксавьера Филиппе де Маргини де Мандефилля. Этот креола-плантатор был столь яркой личностью, что он произвел неизгладимое впечатление на жителей города, который он столь страстно любил. Больше всего де Маргини известен тем, что познакомил Новый Орлеан с игрой в кости под названием “хазард”. Пока он обучал местных креолов правилам, игра стала более известна на местном жаргоне как “крэпс”.

К сожалению, де Маргини был в своей собственной игре не так хорош, как хотел бы, так что вскоре финансовые проблемы вынудили его разбить свое обширное поместье на части — так и возникла зона застройки, известная ныне как пригород Маргини. В соответствии со своей колоритной личностью, он подарил району такие названия улиц, как “Поэты”, “Музыка”, “Любовь” и, конечно же, “Крэпс-стрит”. Последнюю позже переименовали в Бургунди-стрит после того, как в ряд была построена третья церковь на улице. По слухам, Вайдл и его приближенные просто не могли допустить, чтобы столь религиозном место сохранило название “Руэ де Крэпс”.

Благодаря происхождению от столь яркого креола, район стал бурлящей богемой сценой. Ныне он известен как местный развлекательный квартал (а также как гейский и лесбийский), а некоторые самые заводные музыкальные и танцевальные клубы расположены на Френчмен-стрит. Одной из причин развития района стал Носферату-предприниматель по имени Закат, привлекавший сюда ресурсы десятилетиями. В результате никому не разрешено питаться на Френчмен-стрит (или в прилегающих кварталах) без его разрешения, а попытки снискать его расположение стало местным развлечением.

Байуотер

Район Байуотер, названный так из-за того что он расположен “у воды”, раскинулся вдоль Миссиссиппи на восточном краю центра города. Байуотер граничит с пригородом Маргини на западе и с Судоходным

каналом внутренней гавани (превращающимся во внутренний водный путь через несколько миль на север) на востоке. Когда аренда вокруг и на самой Френчмен-стрит выросла, бедные перебрались в перспективный соседний район пригорода Маргини. В Байуотере мало интересного, но он остается все более и более безопасным местом обитания, и некоторые из лучших прав на питание все еще касаются нескольких мест в этом районе.

Возможно, большей частью своей известности среди Проклятых Байуотер обязан своему широко известному обитателю. Многие годы Байуотер остается домом зрителя Элизиума при Вайдле, Гаса “Гаттербола” Элджина. Этот тихий Носферату обитает где-то здесь, у реки, столько, сколько кто-либо помнит. Иронично, что когда-то он пришел сюда потому, что ценил уединение и спокойствие, а Байуотер был лишь едва заселен. После его разрастания, Элджин принести соизмеримые жертвы городу, но если и был у него в этом личный интерес — он не распространяется.

Французский квартал

Вью Карре (“Старый квартал”) — нечто большее, чем самый крупный район исторической архитектуры, и Антуан Савуа знает это.

Французский квартал по праву считается культурными и географическим ядром города. Пусть он и мал — всего-то квадрат шесть на тринадцать блоков — но плотно застроен магазинами, барами, ресторанами, отелями и прочими примечательными местами. И все-таки большинство работающих во Квартале тут не живут, а непосредственно население квартала насчитывает всего около 10000 человек. Однако домены вампиров обычно определяются на основе физической территории, так что лорду любого домена не ограничен в питании лишь постоянными жителями его угодий. Так что Савуа (и те, кому он выдает право питания) может каждую ночь выбирать из сотен сосудов.

В конце 1920-ых Савуа начал надавил, чтобы получить больше автономии, и к 1937 район получил статус исторического. Главным эффектом этого статуса стали архитектурные ограничения, наложенные на застройщиком (или их сородичей-патронов).

Единственным изъяном в остальном безупречной попытке держать Вайдла и прочих подальше от Квартала — отделение области, известной как “верхний Квартал”. Орлеан-авеню разделило район на два примерно равных подрайона и, со временем, одна или более партий сумели смягчить ограничения в верхней, более туристической, части квартала. Весь район все еще во власти Савуа, но растущее количество многоэтажных отелей и магазины в верхнем Квартале медленно снижает врожденное обаяние всего района (и, вместе с тем, его привлекательность).

Технически, единственным проживающим здесь сородичем должен быть сам Савуа. И хотя у Савуа тут есть убежище (или даже три), он создал в

Квартале и “общее” убежище. Это строение, двухэтажный таунхаус на Тоулаус-стрит украшен чугунной плетеной арматурой. Это место служит одновременно местом встречи и экстренным убежищем для приближенных Савуа, среди которых Наташа Престон и Рейнальдо Ги, если они поблизости — а так бывает в большинство ночей. Кроме того, Савуа пожаловал своему сенешалю права питания.

[ПОЛЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Хотя каждый кусок суши в домене Вайдла попадает под его законы, два типа земли — парки и кладбища — стоят отдельно от прочих территорий Большой простоты в нескольких важных особенностях. Для начала, в соответствии с традицией, Вайдл объявил, что все места захоронений не могут быть часть личного домена любого из вампиров. Проклятые могут нередко посещать городские некрополи, которым принадлежат их мертвые сердца, но ни один сородич не может обладать “правами кормления” на любое кладбище. Далее, любой вампир, пойманный на порче или осквернении мест упокоения христиан, будет считаться совершившим религиозное нарушение. Вайдл нередко словно мантру повторяет: “Господь предопределил Проклятым охотиться на живых, а не мертвых”.

Такого же рода ограничение он наложил и на городские парки: ни один вампир не имеет “права” владеть озелененными областями в домене. Вампиры могут тут питаться, но ответственность за поддержание Маскарада (и за разрешение любых споров между двумя сородичами из-за действия Метки Хищника) покоится лишь на плечах этого Проклятого. В ранние годы города, прежде, чем парки были официально отделены и получили особый статус от правительства смертных, эти места неофициально (хотя иногда и официально) принадлежали местным Гангрелам. Из-за этого члены клана до сих пор притязают на них — хотя ныне, в большинстве случаев, неофициально, скорее, из уважения.

Среди официально “защищенных” Вайдлом парков находятся:

- Парк Одюбон (расположен у реки, на западной границе Жилого района) .
- Мемориальный парк Берман (вдоль реки у района Алгьери) .
- Сити-парк (пятый по размеру парк в стране) .
- Площадь Колизеум (в Нижнем садовом районе) .
- Парк Крестмонт (в районе Метари) .
- Ночная трасса Фэрграундс (у Эспланаде-авеню) .
- Джексон-сквер (во Французском квартале) .
- Площадь Лафайетт (в Центральном деловом районе) .
- Парк Луис Армстронг (сразу возле Французского квартала) .
- Пончартрейн-парк (сразу на юге от озера, давшего ему имя) .

- Приватир-парк (самый маленький парк, расположенный на севере Джентелли) .
 - Площадь Вашингтон (в пригороде Маргини) .
 - Парк Вулденберг (на берегу реки во Французском квартале).
- Город широко известен своими роскошными кладбищами. В Новом Орлеане их более сорока, и у каждого несколько иной облик и ощущение. Основная причина этой славы в том, что большая часть могил в Городе-полумесяце — надземные из-за слишком влажной земли. Ранние поселенцы утяжеляли гробы, чтобы те тонули, и все равно обильные дожди поднимали их на поверхность, нередко вымывая покойников на затопленные городские улицы.

Места последнего упокоения отличаются не меньше, чем сами умершие, но несколько стилей гробниц превалируют. Семейные склепы, кладбищенские версии двухэтажных односемейных домов, встречаются повсеместно. Они находятся в частном владении и, обычно, содержат останки более чем одного поколения. Стены гробниц на многих кладбищах известны как “духовки”, т.к. они известны тем, что достаточно сильно нагреваются летом, сжигая находящиеся внутри тела. После года и дня эти хранилища нередко открываются, чтобы внутри можно было разместить недавно усопших. Последним и крупнейшим общепринятым стилем склепов являются “общественные” склепы. Это началось с благотворительных обществ, желающих обеспечить членов определенного сообщества достойное погребение. Многие такие гробницы появились в XIX веке благодаря религиозным общинам, объединявшим средства, чтобы хоронить своих покойников. Крупнейшие общественные гробницы состоят из 20 или более хранилищ, которые используются вновь время от времени (а потому покоятся в них гораздо больше мертвецов). Среди крупнейших или наиболее впечатляющих кладбищ города: Сент-Луис номер 1 (сразу за границей Квартала), Лафайетт номер 1 (в Садовом районе), Метари и Гринвуд (на западе от Сити-парка), Сэйнт-Роч (пару блоков в сторону озера от пригорода Маргини) и Сэйнт-Винсент де Пол (расположенное в двух блоках на север от Байуотера).]

Джэксон-сквер

В самом сердце Французского квартала находится живучих и красочных из самых общественных зон в стране. Джэксон-сквер расположен в центре зеленого парка и окружен двумя понами и красивейшими зданиями ратуши и домом священника, выросшим по обе стороны от Собора святого Людовика, центрального элемента сквера. Все, кого тут можно увидеть, буквально воплощают собою празднество: музыканты,

художники, мимы, гадатели по руке и таро, выстроившиеся вдоль дорожек, жаждут внимания (и денег) равно туристов и местных. Сквер был заложен еще в изначальный план, разработанный в 1722 Адрианом де Поге, но свое легендарное существование он начал как площадка для военных парадов, известная как Плас д'Арм. Мадам Понталба (богатый покровитель в ранней истории города) превратила болотистую землю сквера в прекрасные сады и переименовала его в честь Эндрю Джексона, возглавившего американские войска в Битве за Новый Орлеан. В центре парк стоит статуя Эндрю на коне, открытая в 1856. Подпись на постаменте — “Союз должен и будет сохранен” — была сентиментально добавлена (отчасти, непрошенно) генералом Батлером, руководившим оккупировавшей в 1862 Новый Орлеан армией янки.

Согласно слуху, эта запоздалая мысль Батлера была пришпорена одним из агентов Вайдла, хозяин которого хотел напомнить леди Паскуаль, что, старейшина-примогена она или нет, князь города все-таки не она. Конечно, эта история может быть выдумкой, в особенности с учетом отношений между Вайдлом и наследником Паскуаль, но она всегда хорошо подходит для пересказов в Элизиуме.

Нижний садовый район

Одно время Нижний садовый район Нового Орлеана был одним из самых красивых пригородов нации. Его многочисленные улицы, вдоль которых высились деревья, образовали классическое предместье, выполненное в греческом стиле. Как улицы пригорода Маргини отражают причуды покровителя района, так и улицы Нижнего садового района отражают характер их дизайнера. В соответствии с греческими мотивами, местные улицы названы в честь богов, нимф и муз.

Возможно, прошедшая мода на чугунную ковку сильнее всего ударила по жителям именно этого района. Почти все благовидные дома здесь украшены и/или огорожены замысловато украшенными металлическими изделиями, что придает району всеобщую ауру величественности.

Нижний садовый район, как и его слегка осовремененный братец на юге, неонаты часто называют “Старейшинвилль”. Отчасти это оттого, что многие старейшины удерживают тут и убежища, и охотничьи территории. Другой причиной является то, что самый высокопоставленный обитатель района, Перл Шастен, печально известна своей защитой этой зоны. Она обитала в Новом Орлеане дольше, чем кто-либо еще и, очевидно, потратила немало этого времени на то, чтобы, если уж у нее будут соседи, то их выбирала она. Одного из соседей она, кажется, ценит больше прочих — Филипа Малдонато. Он не только содержит тут убежище уже около столетия, но и лично заинтересован в сохранении и благосостоянии района. Неизменный джентльмен, Малдонато всегда склонялся перед любовью Шастен к району, и редко когда предпринимал значительные шаги относительно

района, сначала не посоветовавшись с нею.

Гостиница Святого Карла

Одно из самых любопытных мест в Нижнем садовом районе — большое, старинное поместье, расположенное возле ближайшего к реке конца Терпсихор-стрит. Ныне это здание известно как гостиница Святого Карла, но когда-то вывеска на нем гласила: “Детский приют Святого Карла”. Трехэтажное здание построили при помощи солдат после захвата Союзом в гражданской войне. Его возводили с надеждой, что оно облегчит работу сиротских домов, переполненных детьми, потерявшими родителей во время войны или эпидемии. И, на некоторое время, это даже сработало.

Серия все более и более странных событий породили ужасные слухи об этом месте, и, после особо сильного пожара, уничтожившего интерьер верхних этажей, от аренды поместья отказались так быстро, как только стало возможным. В нынешние ночи поместье притягивает туристов, интересующихся историей или оккультизмом (или и тем, и другим) благодаря сдаваемым в аренду комнатам. Гостиницей управляет высокая, строгая женщина по имени Фернанда, склонная обращаться с гостями как со своенравными детьми. Многие считают, что такое поведение — просто пример типичного новоорлеанского собственника, выжимающего все из своего товара и дающего покупателям максимум. На самом деле, Фернанда — исключительно старый гуль, а ее манеры берут начало не в преданности искусству торговли. Их причина — тот факт, что она действительно была здесь еще до того, как психбольница была уничтожена огнем. Немногие сородичи знают, что она представляет собою нечто большее, чем простая (хотя и колоритная) хозяйка гостиницы. Ну а те, кто заподозрят, что у нее есть домитор-сородич, скорее всего были бы потрясены тем, что она — гуль никого иного, как сенешаля города, Филипа Малдонато.

[НАКАЗАНИЕ ДЕТЕЙ

Здание, ныне известное как гостиница Святого Карла, остается источником забот ангела-хранителя города, Филипа Малдонато, вот уже как столетие. Возможно, он единственный вампир Нового Орлеана, знающий настоящую историю не примечательного здания на Терпсихор-стрит. По его велению был закрыт приют Святого Карла и, вскоре после этого, заменен гостиним двором, носящим то же имя.

Во времена пожара приют был расположен в самом сердце домена Малдонато. Он сам подглядывал за прогрессом идеи еще до пожара с некоторым интересом. Как и многие другие в его районе, его сильно беспокоили слухи, ходящие вокруг него. Но, как и у многих из нежити, его мнение о ситуации формировалось медленно. Так что, прежде чем он успел что-либо предпринять, детский приют сгинул в пламени.

Вскоре после его переоткрытия в роли гостиницы появились слухи о призраках. Посетители сообщали о странных вещах: о крайне быстром шлепанья голых ног в коридор сразу за дверьми или приглушенном хихиканье высоких голосов, идущем из шкафа у окна. Через некоторое время гости стали еще и видеть нечто. Бессчетные посетители сообщали, что видели силуэт маленького ребенка, танцующего и скачущего в мерцающих тенях, отбрасываемых свечами спальни. Совсем скоро в гостинице стало столь плохо, что владелец даже думал закрыться от греха подальше и попросту понести значительные потери. Филипп Малдонато, заинтригованные задачкой для мозгов, что создавала ситуация, наконец-то сделал то единственное, что ему оставалось. Немного разбираясь в оккультизме, он предположил, что если вернуть в дом бывшую директрису приюта, то ее присутствие может остановить наплыв видений.

И он оказался прав.

Потом Малдонато сделал мадам Фернанду своим гулем и обязал ее приглядывать за гостиницей Святого Карла до тех пор, пока он считает это нужным. Когда изначальный собственник умер, Малдонато все так устроил, что право владения заведением перешло “семье” Фернанды, по сути, завладев им и для нее, и для себя.

Это соглашение исправно работало десятилетиями, но некогда редкие прилюдные проявления недавно медленно стали учащаться. Малдонато уже получил несколько пронизанных ужасом отчетов от Фернанды, в которых она умоляет о его наставлениях о том, что же делать с домом, что становится все более “ужасно беспокойным”.]

Центр

Прямо на северо-западе от ядра города находится большое стихийное разрастание, известное как Центр. Здесь сконцентрирован значительный процент населения города — а где скот, там и сородичи. В результате, именно Центур принадлежит сомнительное достижение быть колыбелью феномена, известного как “крюве” сородичей. Вайдл стал столь искусен в изоляции вновь прибывших в его домен в Центре, что, в конце концов, решил добровольно собрать их вместе. Эти “банды” неонатов называли себя “крюве” и ныне стали важной частью уличного пейзажа. Известно, что существует как минимум пять таких крюве, и хотя горстка из них на самом деле не обладают правами питания в Центре, это, без сомнения, их база операций. В конце концов, дать одному из товарищей питаться на своей территории — единственный способ неонату показать нсо князю. Кроме того, они помогают неонатам своего района гораздо больше, чем многие хотя бы

задумывались сделать. А потому крюве Центра нередко воспринимают Коко Дюкетт и мисс Оупел как “старшую сестру” и “большую маму” (со всем уважением).

Гряда Эспленейд

Как и Сейнт-Чарльз-авеню в Жилом районе, гряда Эспленейд — протяженный, живописный квартал с “ничьей землей” (новоорлеанский жаргонизм, указывающий на широкую разделительную полосу автострады) в самой его середине, с укрывающимися в тени дубов прекрасными домами. Сама по себе гряда — полоса чуть более высокой местности, начинающаяся у байю Святого Джона и уходящей в сторону Французского квартала. Ранние поселенцы мудро решили строить дома на возвышенности, чтобы защититься от сезонных наводнений. В этом небольшом районе находится гоночная трасса Фэрграундс, на которой проводятся не только сезонные скачки, но и ежегодный фестиваль Джаза и Наследия. Во время фестиваля, единственный обитающий в районе вампир, старейшина-Гангрел Натаниэль Бланш делает все возможное, чтобы разместить не только прибывших смертных, но и сородичей.

Байю Святого Джона

Старейшая часть Нового Орлеана — несколько кварталов на изгибе байю, в самом его конце. Франко-канадские поселенцы жили тут еще до того, как был основан Новый Орлеан, а до них коренные американцы использовали эту водную артерию, чтобы добраться до места, ныне известного как гряда Эспланаде. Ибервиль и Бенвиль решили сами обосноваться здесь после того, как разведали путь. Позднее губернатор Каронделет прорыл канал, расширивший байю до окраины Французского квартала (почти соединив реку Миссиссиппи и озеро Пончартрейн).

Общеизвестно тем, кто провел в городе хоть какое-то время, что не один вампир не объявил байю Святого Джона своим доменом. А вот почему князь Вайдл отказывается дать такие права какому-либо вампиру остается загадкой. Те немногие, кто просили о праве на этот домен просто получали отказы без какого-либо объяснения. На самом деле, даже сам Вайдл не уверен, почему он так поступает. Впервые прибыв в Новый Орлеан, то однажды решил отправиться спать на границе того, что ныне известно как байю Святого Джона. Его одолели столь ужасные кошмары, что он был вынужден полностью уйти с этой территории. С тех пор он запретил другим сородичам обладать доменами в этой территории или даже просто обитать слишком долго в его границах. Любой сородич, пойманный на питании в байю Святого Джона, будет или изгнан из города, или же попросту приговорен к смерти. С этим Вайдл не шутит.

Район Треме

Один из самых маленьких и самых старых районов города еще и из самых упадочных и почти брошенных в нынешние ночи. Его населяют

почти исключительно бедные афро-американцы, а многие из местных “ружейных” домов (прозванных так потому что, теоретически, пуля может пробить дом насквозь, от фасада и до задней стенки) напоминают своих племянников из Французского квартала по стилю — но не по качеству. Недавние усилия по очистке от устаревших зданий указывают на тенденцию к облагораживанию района, но больше к нынешнему моменту не было сделано ничего. Технически говоря, лишь трое сородичей, обладающих положением, обитают тут: Барон Симитир; его дитя, Хосуэ; и отец Джон Мэрроу, неофициальный разведчик Савуа. Однако у обоих старших вампиров есть своя свита, и они оба чаще открывают им двери.

В 1840-ых эта область была расположена за пределами городских стен — как и намекает название улицы Рампарт, т.е. “улица вала”, она служила границей города. Тут на рынке, известном как Конго-сквер, встречались равно негры-рабы и их свободные собратья. Когда в остальной Америке людей с африканскими корнями принуждали отбрасывать их традиционную культуру, Конго-сквер был местом, где культурные события любого рода не только разрешались, но и поощрялись. “уж лучше за городом, чем в нем”, как гласил лозунг. Даже когда стену разобрали и район стал неотъемлемой частью города, что-то в его ранней традиции призывало афро-американских сородичей Нового Орлеана. Барон Симитир “устраивает” различные собраний, проходящие здесь время от времени, некоторые такие вечеринки открыты для всех сородичей африканского происхождения вне зависимости от того, принадлежат ли они Колдовском кругу.

Церковь Святого Августина

Разработанная прославленным архитектором Жаком Николасом Буссирье де Поулли (фактически, перестроил собор святого Людовика в 1849), церковь святого Августина впервые отворила свои двери в 1842. Это — вторая старейшая афроамериканская церковь в стране, а ее небольшая паства работает до седьмого пота, чтобы обеспечить едою неимущих и сохранить Могилу неизвестного раба. Со временем церковь стала известна своими яркими джазовыми похоронами, отходящими от церкви прежде чем отправиться по улицам района.

У сородичей Нового Орлеана любопытное отношение к церкви Святого Августина. Хотя она, технически, находится в районе Треме, это — католическая церковь и, потому, у большинства сородичей в окрестностях (которые симпатизируют делу Симитира или являются его открытыми сторонниками) мало причин появляться около нее. Однако недавно отец Джон Мэрроу, подглядывающий за такими делам, увидел, что один из Аколитов Барона скрылся позади церкви. Мэрроу, предполагавший, что сила веры этого места будет недоступна для сородичей (в особенности члену Колдовского круга), был просто потрясен. Последующий “проверки” привели его к одному сбивающему с толку заключению: аура веры вокруг церкви Святого Августина и

вправду опасна — но лишь для тех сородичей, что посвящены в Ланцеа Санктум! Мэрроу лишь предстоит узнать причину этой пугающей находки и он сомневается, делиться ли этим с Савуа до тех пор.

Жилой район

Одно время Канал-стрит была разделительной линией между американской и французской частями города (и до сих пор является границей между Жилым районом и центром). С Садовым районом в качестве центрального элемента, нынешний Жилой район Нового Орлеана — пример современной архитектурной целостности. Он разительно отличается от забитого толпами и старомодного Французского квартала. Бессчетные жилые блоки великолепных домов символизируют трудолюбие, что сделало в середине XIX века Новый Орлеан одним из богатейших городов стране.

Но еще больший контраст в том, как дома-усадыбы уступают место бедным жилым районам, как только пересекаешь Саус-Клэйборн-авеню в сторону озера. Те времена, что обогатили жителей Бродмура, лишь дюжину или около того жилых кварталов из всего Жилого района, здесь сделали все с точностью, да наоборот. Это именно тот контраст, что вызывает трения не только среди смертного населения, но и среди сородичей города. Вампиры вроде Кливона Дженнингса и Дезирой Уэллс рыскают по Бродмуру и возле него, хотя они и выглядят буквально как “низы общества” (да и являются ими), наблюдая, как паразиты вроде Пьерпонта Макгинна заканчивает обустройство еще одного дорожного убежища.

Садовый район

Раз уж мы заговорили о дорогостоящих убежищах, лучше (или хуже, в зависимости от того, кого вы спросите) всего подойдет Садовый Район. Как и с Французским кварталом к востоку, для этой территории поддерживают специфический образ с помощью особого архитектурного стиля, в силу небольших размеров, а также национальной и исторической важности. Городки, сформировавшиеся вдоль реки, потом превратились в Садовый район (и прочие фрагменты верхней части города, расположенные к западу) и были населены в большинстве своём американцами. Поэтому область отражает именно их достаток и вкусы. Однако больше всего он известен (как минимум среди нежити) тем, что именно это место является домом князя Августа Вайдла. В Садовом районе у него не меньше двух убежищ, не считая еще одного, “пожалованного” его товарищу-Вентру (и возможному протее) Габриэлю Урсту после его назначения с совет примогенов Вайдла.

Ривербенд

В дальневосточной области верхней части города располагается район известный как Ривербенд, который называли так, потому что его территории охватывают место, в котором река огибает город на пути на север. Ривербенд по большей части жилой, с двумя подрайонами.

Первый - часть Ривербенда, охватывающая местность от трамвайной линии Святого Чарльза до реки, включает в себя Парк Одюбон (названный так в честь известного натуралиста Джона Джеймса Одюбона), а также Одюбонский зоопарк. Второй подрайон - территория над трамвайной линией, включающая в себя кампусы университеты Тулейн и Лойола, почему и называется "Университетским районом". Центр шоппинга Ривербенд - большой объект интереса на берегу реки, один из последних, встречающихся на пути по реке к трущобам и Кароллтону. У шерифа Вайдла, Донована, по слухам есть убежище в Ривербенде, но большинство считает, что большую часть времени он проводит в центре в соответствии со своими обязанностями.

За городом

Хотя чем больше домен, тем тяжелее одному сородичу эффективно им управлять, Августо Вайдл никогда не боялся трудностей, в особенности если они ведут к увеличению силы или власти. Весь Большой Новый Орлеан, номинально, находится в его власти, и он агрессивно решает все существенные угрозы своей гегемонии в прилегающих территориях. Учитывая населенность и влияние этих областей, такие угрозы были малочисленны и остались в далеком прошлом. Но когда бы они не поднимали свои уродливые головы, Вайдл и его агенты быстро и, обычно, безжалостно с ними разбирались.

Как правило, в домен князя Вайдла включаются: все территории на восток от озера Борн, на запад до пригорода Кеннер (где расположен аэропорт); и на юг почти до самого Лафитта. Однако на практике Вайдл сосредоточивает свои усилия на ближайшем окружении, включая важные пригороды Алгьерс, Метари, Гретна, Джентилли, Уэствего, Харви и Марреро. Это не значит, что ему нет дела до остальных районов. Просто он может (и делает) давать права на питания и домен в этих местах достаточно часто, а потому пристально следит за ними. На самом деле одним из крупнейших волнений о будущем является защищенность этих отдаленных территорий, которые однажды кто-то еще должен будет удерживать. По правде, понадобится чудо для другого сородича — любого сородича — чтобы справиться с этим всем. За два века княжения Вайдл совершил настоящий подвиг, как и заведено у князей. Он заключается всего лишь в том, то придется пройти огромную часть Луизианы (например, почти то до самого Дональдсонвилля на запад или Хаумы на юг), чтобы найти сородичей, которые хотя бы утверждают, что не признают власть и силу князя Августо Вайдла. Если по правде, то некоторые даже посылают эмиссаров ко двору Вайдла, прося одарить их своим влиянием и поддержкой в обмен на верность.

[ЭЛИЗИУМ НОВОГО ОРЛЕАНА

Полный список мест элизиума во Французского квартале можно

найти в *Vampire: The Requiem* (стр. 284). Хотя большинство из них сконцентрированы во Вью Карре — политическая петля, затягивающаяся со временем на Антуане Савуа — другие зоны элизиумы существуют и в других районах города. Ниже приведен список оставшихся зон:

- Ратуша.
- Музей гражданской войны.
- Центра современного искусства.
- Гарьер-холл.
- Отель “Сторивилль”.
- Луизианский супердоум и центр Нового Орлеана.
- Медицинский центр Луизианы.
- Многопрофильный госпиталь Нового Орлеана.
- Музей искусств Нового Орлеана.
- Публичная библиотека Нового Орлеана.
- Огденский музей южного искусства
- Старая испанская таможня
- Театр “Орфеум”
- Дом Пито.
- Больница Тулейнского университета.
- Центр международной торговли.
- Все католические и христианские места поклонения на территории Большого Нового Орлеана.]